

Философская библиотечка для юношества

Р. Штайгервальд

**ВВЕДЕНИЕ
В МАРКСИСТСКУЮ
ФИЛОСОФИЮ**

Москва
Издательство
политической
литературы
1982

15
Ш87

Перевод с немецкого *С. И. Земляного*
Предисловие доктора философских наук,
профессора *Р. И. Косолапова*

Robert Steigerwald

MARXISTISCHE PHILOSOPHIE
E i n f i i h r u n g f u r d i e J u g e n d

Verlag Marxistische Blatter
Frankfurt am Main, 1979

Штайгервальд Р.
Ш87 Введение в марксистскую философию : Пер. с нем.—
М.: Политиздат, 1982.— 144 с.— (Философская б-чка
для юношества).

Эта книга написана известным западногерманским философом-марксистом Робертом Штайгервальдом. Она представляет собой популярный очерк основ марксистско-ленинской философии, адресованный молодежи. Книга раскрывает важнейшие положения диалектико-материалистической философии, ее мировоззренческую направленность, роль в жизни общества и личности. Автору удалось сочетать глубину и содержательность мысли с простотой и яркостью изложения.
Издание рассчитано на широкие круги читателей, приступающих к изучению марксистско-ленинской философии.

0302020200-239 140_8, 15
079(02)-82 1М

© Verlag Marxistische Blatter, 1979
Перевод на русский язык и предисловие ©
ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

Предисловие

Вы, читатель, раскрыли книгу известного философа-марксиста из Федеративной Республики Германии, видного деятеля Германской коммунистической партии товарища Роберта Штайгервальда. Это издание можно назвать кратким популярным путеводителем в замысловатом лабиринте философских законов и категорий. Само название книги говорит о том, что для многих юношей и девушек Западной Германии она служит первым пособием при изучении марксистско-ленинской философии. В руки тех, кто только начинает знакомиться с величественным зданием материалистической диалектики и материалистического понимания истории, она вкладывает крепкую аriadнину нить, позволяющую надежно ориентироваться в окружающей действительности и успешно двигаться к вершинам духовного освоения мира. Тем же, кто ранее уже был так или иначе приобщен к философскому арсеналу марксизма-ленинизма, она полезна хотя бы потому, что помогает оживить и еще более упорядочить свои наиболее общие представления о мире, придает большую уверенность в собственных взглядах, укрепляет самые корни диалектико-материалистических и коммунистических убеждений. Предназначенная для молодежи, эта книга, на мой взгляд, способна заинтересовать людей всех возрастов и профессий, в том числе специалистов в области философии.

Книга прежде всего ценна тем, что она служит первичному удовлетворению благороднейшей потребности современного человека — потребности в правильном и цельном мировоззрении — и ее развитию. В наше бурное время ожесточенного противоборства пролетариата и буржуазии, социализма и капитализма, сил прогресса и реакции, мира и войны проблема мировоззрения, непосредственно влияющая на определение собственной политической позиции каждого человека, сама является объектом упорной классовой борьбы. Монополистическая буржуазия, всеми средствами стремящаяся укрепить пошатнувшиеся устои эксплуататорского частно-собственнического строя, взять социальный реванш, огромные усилия направляет на то, чтобы прививать массам буржуазные и мелкобуржуазные взгляды и нравы, отвлекая их от самой мысли о преходящем характере капиталистической общественной системы. В противовес научному пониманию природы и общества как сложного закономерно развивающегося целого она сплошь и рядом культивирует представление о мире вещей и мире людей как о случайно-хаотическом нагромождении фактов и событий, исключающем сколько-нибудь удовлетворительную систематизацию и возможность достоверного предвидения.

Карл Маркс как-то назвал человеческие черепа самыми неприступными крепостями. Буржуазия осуществляет на эти «крепости» непрерывный бешеный натиск. Средства массовой информации, находящиеся под ее контролем и на ее содержании, днем и ночью забивают умы миллионов людей ворохами самых разнородных сообщений, ослепляют их бенгальскими огнями рекламы, оглушают петардами сенсаций, топят здравый смысл в мутных потоках абсурда и аморализма. Но неуклонно растущая потребность людей в правильном и цельном мировоззрении, являющаяся отличительной особенностью нашей революционной эпохи, в принципе неистре-

бима. Носителями же такого мировоззрения выступают коммунисты, марксистски мыслящие люди доброй воли, а потребность эту наиболее остро ощущает радикально настроенная молодежь.

Можно ожидать, что кто-нибудь, прочитав эту книгу, скажет, что нашел в ней лишь элементарные сведения по философии марксизма. Однако разъяснение именно таких сведений молодому читателю и было целью автора. И потом не так уж они элементарны, как могут показаться на первый взгляд. Как-то один товарищ при мне воскликнул: «Ох уж эти непростые хрестоматийные истины!» — и очень верно выразил тем самым существенную сторону вопроса. Не случайно именно хрестоматийные истины коммунистического мировоззрения подвергаются наиболее яростным атакам нашего идеологического противника. Кое-кто видит в этом лишь основание для презрительных отзывов о нем. Но дело в действительности выглядит не так просто. Малейшее сомнение, пусть даже чисто психологического свойства, в основополагающих принципах нашего революционного учения, в которых спрессован гигантский опыт народных масс, способно причинить куда больший ущерб, чем об этом иногда догадываются. Социальная практика уже знает примеры того, как антисоциалистические силы путем «размягчения» мировоззренческих устоев людей добивались изменения их политических установок, а тем самым и подрыва революционных завоеваний трудящихся. Жизнь подсказывает быть осторожными в отношении любых «улучшений» классических формул марксизма-ленинизма, мотивы которых продиктованы либо тщеславием «улучшателей», либо поветрием «сциентистской» моды, когда совершенно искренне за приращение знаний принимается лишь введение в оборот новых мудреных словечек или символов. Так что, когда речь идет об элементарных сведениях по философии марксизма, говорят отнюдь не об элементарных вещах.

Книга Р. Штайгервальда интересна и в том отношении, что она демонстрирует стиль и методы идеологической работы Германской компартии в массах, в данном случае применительно к особенностям молодежного сознания. Книга написана очень доступно, содержит многочисленные примеры и иллюстрации, раскрывающие то или иное положение. Автор обладает педагогическим тактом и редким терпением в обращении с читательской массой, умением переводить сложные философские положения на общепонятный язык. Книга невелика по объему, и не все затронутые в ней проблемы можно было осветить одинаково широко. Тем не менее она представляет собой оригинальный научный труд, удачное пропагандистское выступление, достойное благодарного отзыва читателей и подражания.

Февраль 1982 года

Р. КОСОЛАПОВ

Введение

В этой книге обсуждаются вопросы, которые обыкновенно называют мировоззренческими. Не стоит спорить, насколько безупречно слово «мировоззрение» обозначает то, о чем пойдет речь. Мы и без того убедимся, что точность некоторых понятий мировоззренческого толка оставляет желать лучшего. Давайте приступим прямо к делу.

Каждый день мы так или иначе сталкиваемся с окружающим нас миром, воздействуя на природу или же трудясь над тем, что другие до нас изготовили из природных материалов. Работая, мы имеем дело также с людьми — с бригадами, мастерами, начальниками. В школе мы докучаем себе и учителям вопросами, относящимися и не имеющими отношения к учебе, а потом спрашиваем себя: собственно говоря, какой же смысл во всем этом? Ведь все равно в ФРГ не хватает мест и в институтских аудиториях, и в заводских цехах. И тогда начинают тесниться все новые и новые вопросы.

А разве нельзя все это изменить? Обречены ли мы всегда оставаться лишь винтиками в громадной машине мира? Так неизменно и будет, что «человек предполагает, а бог (или кто-нибудь еще) располагает»? На самом ли деле те, кто «там, наверху», творят все, что пожелают? С другой стороны, имеет ли смысл вообще заби-

вать себе голову ерундой? Не лучше ли держаться от всего этого подальше? Но потом встает еще один вопрос: зачем мы живем? Имеет ли это какой-нибудь смысл? Если имеет, то какой? Те ли правы, кто говорит о любви к ближнему, или те, кто заявляет, что все это вздор, а своя рубашка ближе к телу? Или те, кто вещает: «Маленькое — но мое»; «Желай по силам, тянись по достатку»? Или такие, чья мудрость — «Тише едешь, дальше будешь»; «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше»?

В названных вопросах и ответах — а в самом деле их гораздо больше — как раз и выражаются некоторые установки, позиции по отношению к миру, то есть мировоззренческие принципы (даже если тот, кто высказывает эти вопросы и ответы, и не подозревает об этом).

Совсем небезразлично, какие у человека мировоззренческие установки. Возьмем такой пример: марксисты, опираясь на науку, считают, что в нашем мире происходит постоянный процесс становления и исчезновения. Таким образом, мы знаем, в частности, что социальная действительность (ту действительность, с которой мы сталкиваемся в ФРГ, марксисты называют капитализмом), иначе говоря, капиталистическое общество, в условиях которого мы живем, возникнув в определенный исторический период, не будет существовать вечно. Как отнесутся к такой постановке вопроса те, кто стоит у руля в нашей стране, то есть капиталисты? По душе ли им будет такое мировоззрение? Конечно, не по душе, ибо в противном случае им пришлось бы согласиться с тем, что они погибнут под колесами истории. Следовательно, они станут распространять совершенно другое мировоззрение, примерно такое: люди по натуре своей плохи, поэтому плохо и все ими содеянное. Так зачем же что-нибудь изменять? Ведь новое будет по меньшей мере несколько не лучше, чем старое.

У этой колыбельной песни, которой господа искони убаюкивают угнетенных, пытаюсь погасить их протест против угнетения, бывают разные мотивы и всякий раз соответственно меняются слова. Но конечный смысл такого рода мировоззрения всегда сводился к проповеди, обращенной к массам: эй, вы там, внизу, оставьте все ваши надежды!

Напротив, представители «нижних» миллионов в борьбе против «верхних» десяти тысяч издавна развивали иные формы мировоззрения. Они снова и снова избирали в качестве аргумента историю. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, где были дворяне?» — спрашивали в 1525 году восставшие немецкие крестьяне. «Верхние» десять тысяч живут лишь благодаря труду «нижних» миллионов: «Труженик, творец, воспрянь! На свою на силу глянь: лишь захочешь — в миг один остановишь ход машин». Эти стихи сочинил в прошлом веке Георг Гервег, поэт рабочего движения. А когда речь заходила о великих людях, которым мы будто бы обязаны всем на свете, они (вместе с Бертольтом Брехтом) спрашивали: «Кто построил семивратные Фивы: царь или его рабы?»

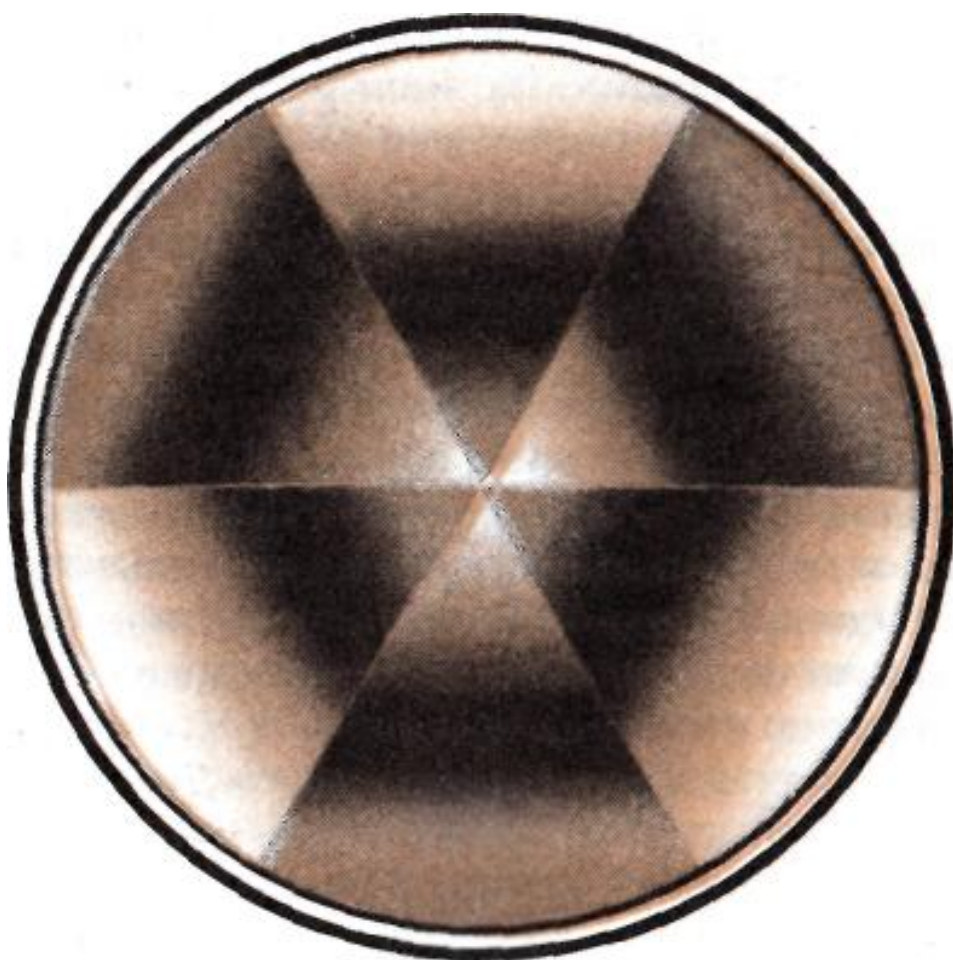
Одним словом, в политическом плане мировоззренческие вопросы представляют собой все, что угодно, но не второстепенное дело. Между угнетателями и угнетенными идет борьба и за умы людей. У господствующих классов есть радио- и телевизионные станции, «Бильд» и другие крупные газеты. А с их помощью они делают все, чтобы как можно больше заморочить нам голову. Нам позволено знать, какой никудышный сынок у того или иного миллионера, какая кинозвезда и с кем именно сегодня гуляет; кто, кому и каким ножом перерезал горло. А что нам знать не полагается? То, что боссы не обойдутся без рабочих, а рабочие проживут и без боссов.

И вот такое знание имеет решающее значение для

рабочих, для так называемых маленьких людей. Что делает рабочих сильнее боссов? Немного! На стороне господ уйма денег, на которые они могут купить все, что угодно. Школа, армия, церковь, радио, телевидение, пресса доводят (или не доводят) до нашего сведения то, что они считают нужным. Они оплачивают услуги редакторов, а кто платит за оркестр — тот и заказывает музыку. На стороне предпринимателей и против рабочих в большинстве случаев стоят также суды, полиция (она ведь охраняет штрейкбрехеров, а не забастовщиков), армия. Но нас зато много, очень много. Однако что толку от этого? Что мы имеем в своих руках? Кажется, что ничего. И все-таки, если бы миллионы трудящихся пришли к одинаковым убеждениям, если бы они усвоили одно мировоззрение, соответствующее действительному состоянию мира и его развитию, то есть верное мировоззрение, а поэтому дающее верные ориентиры для действия, если бы, осознав свои справедливые требования, они еще и сплотились бы воедино, им под силу было бы перевернуть эти порядки и обратить все в свою пользу. Вот теперь мы на верном пути. Надо помочь работницам и рабочим, служащим, массам, «нижним» миллионам осознать свое положение. Надо помочь им уяснить их собственные интересы, то есть разобраться в мировоззренческих вопросах. Тогда миллионы наконец станут сильнее миллионеров. И эту работу за нас, марксистов, не сделает никто: ни (буржуазная) школа, ни (буржуазная) пресса и т. д. И в этом случае справедливы слова величественного рабочего гимна «Интернационал»: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!» Политическая учеба, просвещение — это далеко не все, но это крайне важное для рабочего движения дело. Поэтому создание общедоступного введения в основные мировоззренческие вопросы, дающее им научное объяснение, является важной политической задачей. С этой целью и написана данная книга.

В ходе дальнейшего изложения общие положения частенько обсуждаются на конкретных примерах. Во избежание всяких недоразумений стоит особо сказать о том, что примеры эти не следует понимать как доказательство общих законов. Они призваны лишь облегчить понимание этих законов.

И еще одно. Изложение марксистской философии может создать впечатление, что все мировоззренческие вопросы уже окончательно разрешены. Это не так. И в марксистской философии есть еще много до сих пор не решенных или не вполне удовлетворительно решенных проблем. Однако в данном общедоступном введении в марксистскую философию не имело смысла особо останавливаться на них.



Самый важный вопрос всякого мировоззрения

Все, с чем мы имеем дело в своей жизни, когда-то возникло. Мы празднуем наши дни рождения. Мой родной город Франкфурт-на-Майне возник во времена древних римлян. Одни задаются вопросом, с каких пор на нашей Земле существует жизнь, когда появился человек. Другим не дает покоя проблема, как долго существуют Земля и Солнце. Словом, все, что мы видим, с чем сталкиваемся, имеет начало и конец.

Мы не только празднуем свой день рождения, но знаем также, что у каждого из нас есть мать и отец, которым мы обязаны этим днем. Город Франкфурт не с неба свалился; римляне и германцы строили здесь дома. Ну а как обстоит дело с нашей Землей? Что, и у нее есть «мать» и «отец»? Как обстоит дело с Солнцем? Кто его создал? Пожалуй, каждого из нас хотя бы однажды занимал этот вопрос.

На этот вопрос религия и определенное направление философии отвечают иначе, чем мы, марксисты.

Здесь нам надо первым делом объяснить одно иностранное слово, с которым, вы, читатель, может быть, уже встречались или наверняка еще встретитесь. Я имею в виду слово «философ» или «философия». Оно пришло из древнегреческого языка. Буквально оно означает «любовь к мудрости» или «любитель мудрости». Возможно, среди вас найдется девушка по имени Софья. «София» — значит «мудрость» или «мудрая». А словечко «филео», которое присутствует во многих иностранных словах, означает «люблю» в смысле сильной заинтересованности чем-то.

Но не является ли каждый из нас, по крайней мере временами, другом мудрости, стремящимся к знанию? Тогда получается, что каждый из нас — философ, даже тот, кто не подозревает об этом.

В известном смысле так оно и есть. Философы — это не только люди, которые ведут замкнутый образ жизни и говорят непонятные речи. Всякий человек, который хочет знать чуточку больше того, что мы усваиваем непроизвольно, кто стремится заглянуть за кулисы мира, кто хочет знать, что скрепляет этот мир изнутри, чем обусловлены постоянное становление и исчезновение, ставит мировоззренческие, философские вопросы. Рано или поздно их ставит каждый из нас.

Кто хоть раз не спрашивал себя: существует ли этот мир вечно, или же он сотворен богом? Способны ли мы

действительно познать мир и воздействовать на него? Происходит ли все только по воле случая или же по каким-то законам? Под силу ли нам, людям, изменять условия своей жизни? Кто ставит такие вопросы и определенным образом на них отвечает, тот начинает философствовать.

Что я подразумевал, когда говорил, что философ тот, кто отвечает на такие вопросы известным образом? Чтобы разобраться в этом, рассмотрим сначала такую проблему.

Является ли мир чьим-либо творением?

Итак, было сказано, что на вопрос о том, кто создал наш мир, имеется ответ, который дает религия и одно известное направление в философии. Как звучит этот ответ? Примерно так: вначале бог носился над бездной и сотворил из нее небо и землю. У простого народа создавалось впечатление, что бог — это престарелый, необычайно сильный мужчина с окладистой бородой. Образованным же людям последователи упомянутой философии преподносят это положение на другой лад. Им известно, что может возникнуть вопрос: позвольте, а кто, собственно, сотворил самого пожилого мужчину с окладистой бородой, который якобы создал мир? Уж тот-то некто, наверное, был всегда? Короче говоря, для тех, кто мог бы задавать подобные вопросы, названные философы имеют наготове более «тонкий» ответ.

Что же они говорят? Этого бога, эту изначальную основу мира нельзя представлять себе так телесно. Бог есть нечто чисто духовное, некая чисто духовная сила. Она-то и создала мир. И они поясняют: штука со старым мужчиной была придумана тогда, когда люди еще не умели мыслить научно. Тогда они за всем, что происходило, усматривали действие личностей, богов, которых они могли представить себе только как громадных и необыкновенно сильных, как правило, весьма достойных

старых людей (по большей части в образе мужчин). А сегодня, утверждает это философское направление, можно отказаться от столь ненаучного очеловечивания природных процессов. Мы, говорят они, исходим не из того, что первооснова мира является чем-то вроде сверхчеловека, а видим в ней некую особенно могучую духовную силу. В религии эта сила называется богом, мы же, философы, предпочитаем другое понятие. Для нас понятие «бог» слишком очеловечено, слишком ненаучно. Мы охотнее употребляем понятие «дух» или, если использовать иностранное слово, понятие «идея».

И далее они говорят: подобно тому как нельзя ни увидеть, ни понюхать, ни попробовать на вкус или на ощупь мысль, точно так же нельзя этого сделать и с чисто духовной силой, из которой происходит мир со всеми его солнцами и землями, со всей его жизнью. Эту духовную силу не следует представлять себе как гигантского человека, вообще как тело. Напротив, она является «идеей».

Здесь опять надо объяснить иностранный термин. Слово «идея» тоже пришло из древнегреческого языка. Там оно обозначает явление, образ, картину. Вы сами видите, что оно служит камнем преткновения для философов, о которых идет речь. Дух невозможно узреть. Но для его обозначения они выбирают слово, которое означает «картина». Доводилось ли вам хоть раз видеть картину, которую невозможно увидеть?

Давайте поставим вопрос: а как, собственно, могла зародиться мысль, что мир создан всемогущим богом или всемогущим духом?

Несколько слов о религии

Слово «религия» латинского происхождения. Буквальный перевод («religo» — привязываю, связываю) не слишком помогает понять суть явления, о котором мы

толкуем. Имеется в виду «связывание», «соединение», вплетение человека в некоторый более великий, более высокий порядок, определенный богами или богом. Возникновение религии обусловлено целым рядом причин. Мы хотим остановиться на важнейших.

В отдаленнейшие времена, когда появились люди, у них не было никакой возможности раздумывать над вопросом, откуда взялся мир. Представим себе первобытных людей. Они были в постоянном страхе и заботах о том, где и как раздобыть что-нибудь поесть и во что «одеться», как уберечься от хищников и от непогоды. С утра до вечера они вели жестокую борьбу за существование. Эпидемии, болезни свирепствовали между ними. Первобытные люди не знали оружия, которое позволяло бы им охотиться за быстроногими животными. В древнейшую эпоху существования человека не был приручен и огонь. Следовательно, времени на мудрствования и размышления о вопросах вроде: «Откуда взялся мир»? — в ту пору у людей не было. Поэтому тогда не существовало ни религии, ни философии или чего-либо им подобного.

Однако со временем благодаря совершенствованию оружия, орудий труда условия жизни людей улучшались. Они могли выгадывать немного времени и больше размышлять о себе самих, об условиях своей жизни. Совершенно естественно они пришли примерно к таким воззрениям.

1. Мы видим сны. В сновидении мы можем встретиться с людьми или животными, которые давно уже умерли. Во сне мне может казаться, что я нахожусь совершенно в другом месте, чем мое тело. Не значит ли это, что в теле человека есть нечто, что может отделиться от него и, к примеру, пережить его смерть? Так возникло представление о том, что в нашем теле присутствует душа, что она остается жить после смерти нашего тела. Предполагалось, что душа является существующей в нас

таинственной жизненной силой, то есть во всяком случае представляет собой нашу подлинную сущность. А когда мы умираем, то с последним вздохом она отлетает из нашего тела. И если тело умирает, то душа эта остается жить. Поэтому в сновидениях нам могут являться неумершие души покойных. Наша душа — нечто более важное, чем наше тело.

2. Таким образом возникло представление о бессмертной душе. Напрашивается вопрос: а где обитает душа после смерти нашего тела? Во всяком случае, в каком-то другом мире, чем наш. В ходе человеческой истории произошло нечто чрезвычайно важное (о причинах этого процесса я скажу позже): в обществе образовались вышестоящие и нижестоящие группы людей. Жизнь вышестоящих представлялась не только более благородной, но и более благополучной. Люди все больше связывали этот высший жизненный уклад с духовным началом. Ибо умственная работа легче, чем грубый, мучительный физический труд. Но она, умственная работа, была привилегией господ. Словом, она представлялась более важной, чем физическая. И что же из этого получилось? А то, что местом, где якобы находятся после смерти наши духовные силы, стали считать «небеса», вознесенное над людьми царство духов.

3. Когда мы рубим дерево, оно трещит и стонет. Надо полагать, люди наделяли природу своей собственной способностью ощущать: не ощущает ли дерево боль? Нет ли у него души, как и у нас? Раз духовное сильнее, чем телесное, то не будет ли мстить нам дух срубленного дерева или убитого на охоте зверя? Отсюда недалеко и до обобщения этой мысли: молния, падающий с неба огонь и раскатывающийся вслед за тем грозный голос природы обожествлялись так же, как и другие природные процессы. Люди стали мыслить природу наделенной жизнью, одушевленной. А поскольку душа казалась древним людям более важной, чем тело, то, по их мне-

нию, и в природе все обстояло точно так же. В соответствии с этим взглядом более важно не само дерево, а его дух.

4. К этому добавляется очень важный опыт людей: своим трудом они превращают природные вещи в полезные для себя предметы. Прежде чем приступить к работе, мы сначала обдумываем ее. Мы возводим дом в уме, прежде чем строить его. В этом тоже ищут доказательство того, что духовное имеет преимущество над телесным. А почему так не должно быть в природе? Почему эта таинственная духовная сила, скрывающаяся во всех природных вещах и за ними, не может быть тем, что поистине «обрабатывает» и целесообразно формирует всю природу, подобно нашему духу в процессе труда?

Но что происходит, когда мы формулируем эту мысль? Человек переносит на всю природу свою собственную роль изобретателя, работника, который изменяет природу сообразно своим планам и целям. Так возникает представление о некоем действующем за природой (духовном) строителе и творце мира.

5. Однако эта таинственная сила, этот творец природы относится к нам то хорошо, то плохо — в зависимости от обстоятельств, от того, видимо, насколько мы портим ему дело. В точности узнать это нам не дано. Нам остается лишь просить это божественное существо быть милосердным к нам. А как нам его благожелательно настроить? Наверное, так же, как мы располагаем к себе наших соседей, когда навещаем их. Что мы делаем, когда приходим к ним? Мы изъявляем свои мирные намерения. Мы показываем им, что хотим жить в дружбе с ними. Более того, мы приносим им подарки, и, конечно, такие, которым они рады. Лучше всего что-нибудь из съестного, еды ведь всегда в обрез. Почему бы нам не дать чего-нибудь поесть и природным духам? Кусок мяса, например. Принесем им в жертву животное или даже человека, ребенка или пленного!

Все это — иллюстрация к тому, как из жизненных условий первобытных людей, их незнания самих себя и природы возникают религиозные представления.

6. Историческое развитие человека шло вперед. Со временем сложилось такое положение, когда человек стал производить сначала немного, а потом в возрастающей степени больше того, что нужно было непосредственно для поддержания его физического существования.

Это имело огромные последствия для всего дальнейшего развития человечества. Если человек производит больше, чем безусловно нужно для поддержания его собственной жизни, то трудом всех может быть произведен излишек. Что с ним делать? Можно, например, совершить некий отбор. Все вы знаете таких ребят из вашего класса или группы, которые понимают что-нибудь лучше, чем остальные. Так было и тогда. У одного зорче были глаза, он лучше разгадывал следы. Другой быстрее бегал, третий был сильнее в борьбе и т. д. Отсюда можно было действовать так. Ты, следопыт, освобождаешься от определенных работ, но должен читать следы для всего племени. За твою работу для общины она выделит тебе долю из избытка, чтобы ты мог жить и заниматься своим особым поручением, не тратя время на другие дела.

Так появились особые выделившиеся из общности группы. Они непременно работали на общину, но уже не обязательно в смысле тяжелого физического труда. Были такие, которые наблюдали за небом. Они обязаны были следить за погодой. Разумеется, это было очень важно для племени. Ведь все его планы зависели от того, пойдет дождь или нет. Если погода плохая, то труднее охотиться — сложнее распутывать следы и т. д. Из числа этих созерцателей неба вышли первые священнослужители. Этим работникам скорее умственного, чем физического труда обязана своими самыми первыми зачатками современная наука.

7. Однако все это лишь одно из великих последствий того факта, что люди постепенно стали производить своими руками больше, чем нужно было непосредственно для поддержания их существования. Другим, чрезвычайно важным последствием, с которым мы имеем дело вплоть до сегодняшнего дня, было следующее.

Если один человек может производить больше, чем безусловно необходимо ему самому, то может случиться, что другой человек отберет у него этот излишек и станет жить им, то есть за счет труда другого. Это присвоение произведенного излишка, прибавочного продукта рабочего другим человеком, который не трудится сам, а живет таким прибавочным продуктом, марксизм называет *эксплуатацией*.

Эксплуатация возникла много тысяч лет назад. Из вождей племени, священнослужителей и другой знати образовался класс людей, которые жили за счет прибавочного продукта, созданного прочими членами племени.

Но какое отношение это имеет к религии? Господствующие слои сделали духовный труд своей привилегией. Известную роль при ее обосновании играло и представление, будто духи имеют свое пристанище на небесах, наверху (!). Господа говорили угнетенным, будто мир по необходимости устроен так, что существуют вожди и подчиненные, высшие и низшие, господа и угнетенные. Укреплению их господства служил взгляд, что царь является сыном бога или богини. А значит, посягательство на царя становилось посягательством на бога, навлекавшим страшные кары.

Вот так с вышеназванными условиями соединились мощные общественные стимулы, а в совокупности все это и привело к возникновению религии. Господствующие слои скоро поняли свой интерес и поставили религию на службу ему: им весьма выгодно было проповедовать, что в бедах, лишениях рабов, эксплуатируемых

повинен неисповедимый естественный рок, что не стоит противиться ему, а надо покориться своей судьбе и молиться богу.

Разве не выгодно было господам внушать беднякам: этот мир не столь уж важен? Намного важнее, говорили они, другой мир — бестелесный мир душ: «Там вам воздастся за лишения в этом мире. Вы попадете на небо». В Библии нашел выражение и протест угнетенных против угнетателей. Но он зачастую направлен по ложному пути. Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, говорится в ней, чем богатый попадет на небеса. И бедняки всю жизнь не покладая рук работали с мыслью о том, что им уготована счастливая вечность в небесной стране душ, в то время как богатые будут мучиться в адском огне. Разве это не тонкий трюк?

А теперь подумайте вот о чем. Священнослужители, прорицатели будущего, первые врачи и исцелители, короче говоря, те, кого мы сегодня называем интеллигентами,— на чьей стороне они неизбежно стояли тогда, раз они располагали средствами к жизни, а своими руками не производили их? Интеллигенты поневоле стояли на стороне угнетателей. Ради сохранения отношений, при которых они, как и их могущественные заказчики, пользовались привилегиями, они распространяли соответствующее мировоззрение. И какое же мировоззрение было для них предпочтительнее? Исходя из всего сказанного, ответ может быть только один.

Угнетатели и состоящие у них на службе интеллигенты занимались преимущественно умственной деятельностью. Не следует ли из этого, что они были убеждены, что духовный труд важнее, чем физический? Нельзя сказать, чтобы такая точка зрения была совершенно лишена основания: кто пытается взять дело нахрапом, обычно ничего не добивается. Прежде чем приступить к работе, надо пошевелить мозгами и составить себе какой-то план, какую-то идею.

Впрочем, не следует забывать о том, что разделение труда увеличивает его эффективность. Это относится и к разделению труда на умственный и физический. Оно значительно ускорило общественное развитие. Но вместе с тем утвердилось мнение, что идея важнее, чем грубая работа. А оно создает почву для распространения определенного мировоззрения: человек ведь сам создает свою жизненную среду, значит, думали необразованные люди, точно так же сотворен и мир. Просто мир намного больше, поэтому его творец представлялся в виде особенно громадного и сильного человека. Подобный образ мыслей может быть изложен и в более тонкой форме: раз созданию вещей предшествует духовная работа, раз духовная работа является более высокой формой труда, то и мир, стало быть, создает духовная сила, идея. Вот так совершенно естественно возникает мировоззрение, согласно которому решающее значение имеет духовное, идеальное начало (идеализм). О том, что такое идеалистическая (и материалистическая) философия, будет сказано ниже.

Каков самый важный вопрос всякого мировоззрения?

Но существует еще совершенно другой ответ на вопрос о происхождении нашего мира. Об этом мы и поговорим сейчас еще раз. Мы уже познакомились с термином «философия». Философы — это люди, которые занимаются всем на свете: солнцем, луной и звездами, действительной жизнью и мнимой жизнью после смерти, историей, государством — словом, всем, что существует, а нередко и вещами, которых не существует. От этого у человека, который хочет заняться философией, голова может пойти кругом. Возможно, он скажет в сердцах словами из гётевского «Фауста»: «Час от часу не легче мне, и словно голова в огне». Неужели нет ничего тако-

го, что облегчило бы ориентировку в этом сбивающем с толку многообразии?

Действительно, такой ориентир есть. Вопрос о нем является одной из самых важных философских проблем. Фридрих Энгельс, друг Карла Маркса, вместе с ним создавший учение научного социализма, назвал его *основным вопросом философии*. Теперь после всего того, что мы обсудили, можно понять этот вопрос. Я изложу его своими словами.

В философии в конечном счете речь всегда идет о том, чтобы ответить на вопрос: в каком отношении находятся друг к другу природа и дух, бытие и сознание? Что из чего развивается? Что первично — природа или дух?

В зависимости от того, какой ответ дается на этот вопрос, философы распадаются на два больших лагеря. В одном лагере утверждают: вначале была природа. В процессе развития природы возникли живые существа. В процессе развития жизни возникли люди. Люди развили свое сознание, свой дух, выработали идеи. Другого рода духовного, идеального вообще не существует. Философское направление, которое говорит, что вначале была природа, или материя (а это лишь иное слово для обозначения того же самого), и что дух, идея происходят из нее, мы называем *материализмом*. Материя — понятие философское. С его помощью обозначается то, что находится вне нашего сознания и независимо от него — например, природа, — то, что воздействует на наши органы чувств и таким образом вступает в наше сознание.

В другом же лагере группируются философы, которые говорят, что вначале был дух, что дух является творцом мира. Все те, кто считает первоначальным дух, идею, образуют лагерь *идеализма*.

Все религии принадлежат к лагерю идеалистического мировоззрения. Все они исходят из того, что вначале

была духовная сущность, которая сотворила мир из ничего. Различие между религиозной и философской разновидностями идеалистического мировоззрения состоит лишь в том, что там, где религия очеловечивает вещи (бог — гигантский человек), идеалистическая философия употребляет понятия «дух», «идея» и т. п.

Таким образом, материалисты — это люди, полагающие, что природа первична и что дух развился из природы, а именно в форме человеческого сознания. Идеалисты же, напротив, считают, что мир создан духом.

Ничего другого термины «материалист» и «идеалист» в философии не выражают. Но кто-нибудь может сказать: всюду слышишь, что быть идеалистом — значит иметь великие идеалы и выступать за них, что материализм, напротив, — это низменный образ мыслей, в соответствии с которым важно только удовлетворить свою алчность, получить земные наслаждения и т. д.

Присмотритесь, здесь перед вами разительный пример лжи и лицемерия в идейной борьбе классов. Великие философы-материалисты прошлого почти всегда подвергались преследованиям со стороны господствующих классов и их церкви, их сжигали на кострах как еретиков. Или подумаем о коммунистах, приверженцах материалистического учения в нашем столетии. Их преследовали, бросали в концентрационные лагеря, в тюрьмы. Разве не шли на смерть за свои убеждения наши товарищи в Чили или во Вьетнаме? Не показывает ли это, что корыстолюбие чуждо сторонникам материалистического мировоззрения? Для них характерно прежде всего знание, что ответственность за войны, за нищету и нужду в этом мире несут не какие-то темные силы природы, не какая-то роковая судьба, а что дело здесь во вполне «земных» классовых интересах. Из этого знания следует, что надо бороться против могущественного класса эксплуататоров и угнетателей. Но такая борьба неизбежно сопряжена с жертвами и лишениями.

Таким образом, все обстоит как раз наоборот: если бы материалисты были корыстными, им надо было бы держаться сильных мира сего, чтобы иметь от них что-нибудь.

А теперь взгляните, какую позицию занимают в политических битвах представители идеалистической философии? На чьей стороне стоят те, кто втолковывает нам, что духовное важнее, чем материальное богатство. Взять, к примеру, церковь. Разве не стоит она на стороне богатых, власть имущих? Где и когда церковь как единая организация участвовала в революции вместе с угнетенными и эксплуатируемыми против богатых и власть имущих?

Ф. Энгельс говорил: благонамеренные буржуа понимают под материализмом обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым они сами предаются. А идеализм они превозносят как веру в добродетель, во всеобщую человеческую любовь и вообще в «лучший мир». Но они лишь кричат о нем перед всеми. На самом же деле они в него не верят. Естественно, существуют и исключения. О них я еще буду говорить.

Весьма вероятно, что тот или иной читатель спросит: а разве представителям идеалистического мировоззрения нечего возразить вам, марксистам, когда вы ставите основной вопрос философии и материалистически на него отвечаете? Конечно, возражения у них есть. Они говорят, например: мы можем признать вместе с вами, материалистами, что вне человеческого духа и независимо от него существует мир. Но мы принимаем, продолжают они, что этот мир возник благодаря творческому акту некоего внечеловеческого духа. Марксистов, по их мнению, надо критиковать за то, что они допускают существование только человеческого духа и

не признают существования духа, находящегося вне мира.

Известный католический богослов, член ордена иезуитов Г. Веттер говорит: вполне возможно допустить вместе с вами, марксистами, независимое от нашего сознания бытие внешнего мира. Но при этом нужно придерживаться той точки зрения, что «природу сотворил сверхмировой дух». Марксизм, по его словам, совершает «мошенничество», отождествляя бытие вне человеческого сознания с природой, материей. Если помимо человеческого сознания существует еще сверхчеловеческий, объективный дух, то и мир вне нас не является сугубо материальным. (Важно запомнить, что в философии понятие «объективное» означает то, что существует вне и независимо от нашего сознания.)

Итак, Г. Веттер и ряд других философов являются приверженцами такого варианта идеалистического мировоззрения, который исходит из наличия объективного духа. Если бы этот объективный дух существовал, то веттеровская критика марксизма была бы справедливой. Однако непоколебимый логический принцип гласит: тот, кто оспаривает наличие некоторой вещи, не должен доказывать ее бытие, а вот тот, кто нечто утверждает, должен чем-то это доказать. Все философы-материалисты оспаривают наличие некоего внемирового (объективного) духа. Теологи же утверждают его существование. Следовательно, они и должны доказать, что внемировой дух существует. Ссылка на «предположения», которых можно «придерживаться», не является доказательством. Ведь в соответствии с нашими желаниями или фантазиями мы можем «предположить» все, что угодно, а потом «стоять» на этом. Но от того только, что я «предполагаю» наличие у себя тысячи марок, я их еще не имею в действительности. Все дело в том, можно ли доказать и доказуемо ли вообще существование внечеловеческого (объективного) духа. И здесь сам Г. Веттер

вынужден признать, имея в виду представителей естественных наук: «...по решающему вопросу: существует ли вне материи еще и нематериальная действительность,— они вообще не высказываются». Но если естественные науки не подтверждают существования объективного духа, то нет основания вводить его в нашу мировоззренческую дискуссию.

Существует ли внечеловеческий дух?

Г. Веттер говорит и о том, почему невозможно научно доказать существование внечеловеческого сознания. Такое сознание, такой дух должен был бы быть вечной сущностью. Но что значит «вечный»? Любая попытка прояснить этот вопрос должна исходить из весьма «посюсторонних», мирских процессов возникновения и исчезновения отдельных вещей и явлений. Представление о вечности возникает в нашем сознании следующим образом. Мы отправляемся от вещей и явлений нашего мира. Мы наблюдаем их непрерывное становление и исчезновение. Это наблюдение связывается у нас с пониманием, что нечто не может возникнуть из ничего (в соответствии с неопровержимо доказанным законом сохранения, то есть несотворимости и неуничтожимости массы и энергии). Следовательно, мы с полным научным основанием можем утверждать: вечен мир в своем становлении и исчезновении, мир и ничто другое.

Единственный случай, когда мы можем сказать, что нечто является вечным, относится к миру, природе, но никак не к внемировому духу, существование которого невозможно доказать.

Религия оказывается здесь в мучительном положении. Что делать? Богословы заявляют: об этом мире мы кое-что знаем, о боге же — ничего. Но бог должен быть совершенно другим, чем человек. Если человек смертен, то бог не смертен. Я цитирую: «...этот божественный

способ бытия мы можем постичь только путем отрицания соответствующего тварного способа бытия». Так написано в «Философском словаре», изданном в католическом издательстве «Гердер».

Г. Веттер, написавший немало книг против марксизма, понимает, что не решает проблемы, когда говорит обо всем том, чем бог *не* является: он не смертен, не пространственен и т. д. При этом он делает такой трюк — вместо «не» он ставит «сверх». Я цитирую: «Вечность бога» — это сверхвременной способ бытия... вообще не имеющий ничего (!) общего с временной длительностью и последовательностью моментов, с возникновением и исчезновением». Таким образом, и Г. Веттер упирается в... ничто. Он определяет вещь через то, что она *не* есть. Наука о правильном мышлении, логика, называет это «негативным определением», то есть объяснением через отрицание, и зачисляет его в ряд грубых ошибок мышления.

Допустим, мне надо рассказать человеку, который никогда не видел собаку и ничего не слышал об этом животном, о том, что такое собака. И если я говорю ему: «Собака — это не кошка, не лошадь, не свинья», то я ни в малейшей степени не объясню ему, что же такое собака. Точно так же по сей день богословы говорят лишь о том, чем *не* являются «способ бытия бога», «вечность». Г. Веттер утверждает даже, что бог — это не только временное, но и пространственное ничто, что он есть «центр, фокус, который хотя... прост и непротяженен, но не представляет собой нечто пустое и бытийно бедное». А вот как нечто, не находящееся ни в пространстве, ни во времени, может все-таки быть в наличии как нечто, не имеющее протяженности, но тем не менее не являющееся пустым, причем об этом «нечто» можно сказать лишь то, что оно *не* есть — уразуметь все это — удел не знания, не логического мышления, не научного доказательства, а чисто религиозной веры. Бытие бога, вообще

внемирового духа недоказуемо средствами науки, разума, логики!

Впрочем, уже Поль Гольбах (1723—1789), один из великих мыслителей, просвещавших народ в эпоху подготовки Великой французской революции 1789 года, критиковал богословов за такие ошибки в мышлении. Он писал, что «присоединяемое к природе верховное существо немыслимо и противоречит нашим достовернейшим представлениям... Можем ли мы верить в бытие существа, о котором ничего невозможно утверждать и которое представляет собой лишь грудку отрицаний всего, что мы знаем?»

Из сказанного научно мыслящий человек может сделать лишь один вывод — что бог, или внемировой дух, представляет собой пространственно-временное ничто. А существование того, чего нет ни в пространстве, ни во времени, доказать действительно нельзя. Г. Веттер полагает еще, что «подобный центр, фокус... нужен». Что ж, это важная вещь: массы людей в ФРГ, например, *нуждаются* в праве на труд. Но они *не имеют* его. Потребность в чем-то и действительное наличие нужного — большая разница!

Можем ли мы познать мир?

Я уже говорил, что Ф. Энгельс сформулировал основной вопрос философии. При этом он отметил также, что основной вопрос философии имеет еще и вторую сторону, а именно: «...как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?»¹

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 283.

Возможно, не сразу понятно, какова внутренняя взаимосвязь между вопросом о том, что первично — материя или дух, и вопросом о том, может ли наше сознание правильно отражать бытие. Чтобы уяснить эту взаимосвязь, следует вкратце остановиться на двух направлениях в идеализме. Есть *субъективный* и *объективный* идеализм. Под субъективным идеализмом подразумевают все те идеалистические школы, которые тем или иным образом возвышают сознание человека до «творца» бытия, существующего вне и независимо от него. Объективный идеализм, напротив, считает творцом мира внемировой дух.

Субъективный идеализм кажется какой-то безумной идеей! Как человек в здравом уме может выдавать реальный мир за свою волю, свои представления, свое мышление? Чтобы понять, как тем не менее может появиться философия, кажущаяся столь странной, мы хотим здесь провести короткую дискуссию между материалистом и субъективным идеалистом.

Материалист. Я вижу дерево. Как можно усомниться в столь очевидной вещи?

Идеалист. Вы заблуждаетесь. В действительности вы имеете дело с некоторым комплексом ощущений цвета, формы и т. д. Вы только утверждаете при этом, что данным ощущениям соответствует некое «дерево».

Материалист. Но откуда же берутся мои ощущения? Ведь у них есть причина. Если бы не было никакого дерева, я не мог бы его воспринимать!

Идеалист. Допустим, что вы имеете ощущения и восприятия и что в их основе лежит какая-то причина. Но как вы намереваетесь проверить, что им соответствует? Ведь проверка все равно сведется к ощущениям. Поэтому невозможно с полной уверенностью сказать, что именно соответствует нашим ощущениям и восприятиям. Это выходит за рамки вашего опыта. Единственное,

что я безусловно имею,— это мои представления, ощущения и т. д. Поэтому я с уверенностью могу утверждать лишь следующее: то, что вы считаете миром, есть только представления. Мир — не что иное, как представление.

Материалист. Итак, вы утверждаете, что о самих вещах ничего нельзя узнать, что нам известно лишь кое-что о наших ощущениях. На каком основании вы тогда вообще можете допустить существование чего-то, что находится вне ваших ощущений?

Идеалист. Строго говоря, этого действительно нельзя сделать.

Материалист. Но вы ведь спорите со мною, находящимся вне ваших восприятий. Довольно нелогично, не правда ли?..

Такова в общих чертах наша вымышленная дискуссия. Мы хотели показать, с одной стороны, на каких путях мысли может возникнуть субъективный идеализм. А с другой стороны,— и это для нас теперь важно прежде всего — следовало показать, что он необходимо ограничивает, если не отрицает познаваемость мира вне наших чувственных восприятий.

Итак, мы уяснили для себя взаимосвязь двух сторон основного вопроса философии. Впрочем, самое необходимое для опровержения этой субъективно-идеалистической концепции было сказано Ф. Энгельсом: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике... Мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям...»¹

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 284.

— Мне теперь ясно, что субъективные идеалисты ограничивают или даже отрицают нашу способность к знанию,— говорит, наверное, скептик.— Но почему тот, кто верит, что и мир, и он сам сотворен богом, тот, кто придерживается объективно-идеалистического вида этого мировоззрения, почему он должен оспаривать познаваемость мира? Разве не может он сказать: бог сотворил нас, мой дух есть «подобие» божественного духа, поэтому не существует непреодолимых трудностей в познании мира.

Я хочу показать, что и различные школы объективного идеализма, и богословы так или иначе устанавливают какие-то запреты для нашего познания.

Для них мир — это продукт некоторого в конечном счете внемирового и изначального духа. Что это означает применительно к нашему познанию мира? Природа, ее законы, пространство, время и движение созданы тогда этим изначальным и внемировым духом. Но я действительно знаю предмет только тогда, когда точно знаю его происхождение. Следовательно, для приверженцев объективного идеализма и религии природа, ее законы, пространство, время и движение на деле могут быть познаны только тогда, когда правильно познан этот внемировой дух, или бог. Условием действительного познания мира, таким образом, является здесь действительное богопознание. Но мы установили, что такое познание бога, даже по признанию таких защитников религии, как Г. Веттер, в принципе невозможно.

Когда объективные идеалисты спорят с нами, они делают вид, будто между нами и ими нет никаких разногласий относительно наличия и познаваемости вещей вне нашего сознания. Но как все это оборачивается, когда надо объяснить, что же есть, собственно, то, из чего происходит мир? Ведь дух, мнимая причина всего, что существует, непознаваем. Ибо как чисто духовное нача-

ло может создать природу из ничего или как неподвижный дух может привести эту природу в движение и т. д. и т. п.— на все эти вопросы идеалисты или приверженцы религии не имеют другого ответа, помимо призыва верить в чудеса или в еще более путанные объяснения. Таким образом, и объективный идеализм в конечном счете непригоден для философского обоснования человеческой способности к познанию.

Совершенно иначе понимают рассматриваемый вопрос материалисты. Сознание, утверждают они, является продуктом мозга, естественного органа, сформировавшегося за миллионы лет развития жизни на земле. Содержание сознания, мысли и идеи «есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

Сознание возникло в результате высшего развития жизни, как фактор дальнейшего ее прогресса. Но таким фактором оно может быть лишь постольку, поскольку действительно обеспечивает живым существам и в конечном итоге человеку такое отражение бытия, которое позволяет ориентироваться в окружающем мире. Способность человека к познанию не представляет для материализма неразрешимой загадки. Природа «посюсторонняя», а дух — ее продукт, ее свойство. Конечно, это не означает, что материалисты считают человеческое познание простым и ровным процессом без трудностей и подводных камней. История человеческого знания показывает, как мы преодолеваем прежние трудности и подводные камни и как затем возникают новые.

Таким образом, между материалистическим решением вопроса об отношении бытия и сознания и утверждением человеческой способности к познанию существует неразрывная взаимосвязь.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.*

Из данного положения прямо следует, что мы, марксисты, не позволим уверить себя в том, что люди не способны познать мир, а потому и изменить его. Конечно, мы понимаем, что никогда не будем знать всего. Но этим не смутить наше стремление ко все более глубокому познанию. Данный вывод относится не только к «последним», философским вопросам. Он имеет отношение и к следующим жизненно важным вопросам. Почему в ФРГ так много безработных? Чего стоит общественный строй, неспособный предложить своей молодежи никакого будущего? С чего мы должны начать преодоление этого общественного строя?

**Почему вопрос об отношении
бытия и сознания является
основным вопросом философии?**

Идеализм, как и религия, исходит из того, что мир существует не изначально, не сам по себе, не по своим собственным законам, что он, напротив, нуждается и нуждается в духовном первоначале, или божественном творце. Отсюда неизбежно предполагается возможность нарушения природной закономерности. Уже сотворение мира из ничего внемировым духом было бы чудом, нарушающим основополагающие законы природы. Но если уже в «первоисточнике» мира заложено чудо, нарушение природной закономерности, то они должны были бы происходить и в самом мире. Есть внутренняя необходимость, в соответствии с которой религиозное мировоззрение требует веры в чудеса: Иисус восстает из мертвых, сам воскрешает усопших, идет по бушующему морю, несколькими хлебами утоляет голод тысяч людей и т. д. Если бы было иначе, если бы бог не мог нарушать законы природы, если бы он был связан ими, то он не был бы всемогущ. Ему не под силу было бы тогда и сотворить мир. Значит, он не был бы богом. Чудо неотъемлемо от религии.

Но разве были бы возможны наука и техника в таком мире, где законы природы снова и снова отменялись бы чем-то загадочным и чудесным? Возьмем такой пример. Мы можем строить дома лишь потому, что Земля притягивает окружающие ее тела. Земное притяжение придает телам вес и ведет к тому, что они при свободном падении стремятся кратчайшим путем достичь земной поверхности. Строители учитывают это обстоятельство, когда при помощи ватерпаса и отвеса выкладывают из камней дома. Но если бы названный закон земного притяжения был чудесным образом нарушен и вследствие этого чуда камни уже не падали бы кратчайшим путем на земную поверхность, а «стремились» бы к ней окольным путем, двигались бы в стороны или даже вверх, то никакой строитель не сумел бы построить дом из материала, ведущего себя столь прихотливо. Однако практика миллиарды раз подтверждает закон природы и опровергает веру в чудеса.

Или обратимся к другому примеру. Человек способен летать только потому, что существуют неукоснительные законы природы. Он способен летать только при том условии, если знает соответствующие законы природы и учитывает их в своей деятельности. Не будь так, то любая попытка построить самолет и взлететь на нем была бы в высшей степени рискованным, безумным делом. Но тысячи поколений людей в процессе труда и познания исследовали подобные законы и убеждались в их общезначимости. Человек твердо верит в науку и технику. Ему известно, что при полетах происходят несчастные случаи. Он знает, на сколько тысяч или десятков тысяч полетов приходится один несчастный случай. Частоту таких случаев можно даже точно определить статистически. Но человек изучает и находит причины аварий. Они заключаются в недоброкачественности материалов, в нарушении законов природы по человеческому недомыслию или вследствие недостаточности знаний. Но

все же причины аварий обусловлены не нарушением законов природы вследствие чуда, свершившегося по воле бога. Впрочем, уже один из великих просветителей, француз Дени Дидро (1713 — 1784), правильно отмечал, что человеческая жизнь вообще возможна лишь при условии, если в природе все происходит закономерно, и что, следовательно, «чудо» делает эту жизнь невозможной. «Я думаю,— отмечал он в «Письме о слепых в на- зидание зрячим»,— что если бы в природе все совершалось не согласно бесконечно общим законам, что если бы, например, укол от известных твердых тел был болезненным, а укол от других тел сопровождался удовольствием, то мы умерли бы, не собрав и стомиллионной части опыта, необходимого для сохранения нашего тела и для нашего благополучия».

Теперь же вспомним о субъективном идеализме, который отрицает существование или, по крайней мере, познаваемость пространственно-временного мира с его собственными, независимыми от нашего сознания законами бытия и движения. Если бы субъективный идеалист всерьез принимал свою философию, он практически не смог бы жить. Но еда и питье существуют как раз не только в его сознании. И деньги, которые он получает за свои сочинения,— это вещь, которую поистине можно пощупать руками и от которой реально зависит его собственная жизнь. Он притворяется, будто в нем вызывает сомнения наше телесное существование. Он признает лишь свое собственное существование, но вместе с тем спорит с нами о том, какая философия правильная, и невольно признает тем самым, что мы для него все же действительно существуем. Следовательно, речь идет о ложном мировоззрении.

Итак, для идеалистов мир есть только дух или продукт духа. Для субъективного идеалиста вообще не стоит вопрос о познаваемости мира, ибо для него этот внешний мир либо не существует, либо представляет собой неко-

торое порождение нашего духа. Для объективного идеалиста мир в лучшем случае познаваем в определенных границах, ибо человек не в силах познать внемировой дух, эту «первопричину» вещей и явлений мира. Но если человек не может познать или только в недостаточной мере познает мир, то он не может и вторгаться в этот мир, в его процессы, или же это удастся ему с весьма ограниченным успехом. Для идеалиста решающее значение в конечном счете имеет не природный и общественный мир человека, а духовное развитие. Поэтому идеалист придерживается мнения, что направляющие человеческую жизнь законы, нормы межчеловеческих отношений выросли не из действительного, материального бытия, а из духовной сущности.

Если же я тем не менее даю материалистический ответ на основной вопрос философии, то я освобождаюсь от суеверия, от веры в чудо, от таких придатков к миру, как бог, ангелы, черт, домовые и другие химеры разгулявшейся фантазии. Материалист утверждает, что вне его сознания и независимо от него существует мир, природа и общество. Он утвердительно отвечает на вопрос, познаваем ли мир. Опираясь на приобретенные знания, люди способны изменять природу и свою общественную жизнь. Материалист-марксист знает, что нормы человеческой жизни имеют своим источником сознание человека. Но он знает и то, что они обусловлены окружающей нас естественной и — прежде всего — общественной средой.

Идеалистический ответ на основной вопрос философии в конечном счете оспаривает познаваемость мира, в котором мы живем, а в результате он оспаривает и возможность научно обоснованной политики рабочего класса, направленной на свержение капитализма. Противники рабочего движения, как правило, исходят из идеалистического ответа на основной вопрос философии. Они говорят нам: у социализма нет научного обоснования,

в лучшем случае, вы можете желать его установления.

Материалистический ответ на основной вопрос философии ориентирует нас на изучение законов развития природы и общества, ибо нам надо знать, какие законы привели к формированию капитализма и какие мы можем использовать для его падения. Таким образом, научный социализм связан с материалистическим решением основного вопроса философии.

Ответ на него затрагивает все наше практическое и духовное поведение, всю нашу деятельность в отношении мира в частностях и в целом, наши жизненные принципы, ожидания и надежды. Вот почему вопрос об отношении природы и духа, материи и сознания является основным вопросом философии.

Каковы общие положения материалистической философии о материальном бытии?

Существует бытие, мир, находящийся вне человеческого сознания и независимый от него. Внечеловеческий, внемировой дух, который якобы мог создать это бытие,— предмет не серьезного научного размышления, а в конечном счете веры и суеверия. Он есть прежде всего человеческий дух, обособившийся от человека, а затем вознесенный на небеса, и ничего более. Существует лишь одно бытие, один мир, к которому принадлежит и человек со своим духом. Нет двух миров: посюстороннего и потустороннего. Так называемый потусторонний мир, как уже было сказано, является лишь миром вознесенного на небеса человеческого духа. Мир — это единое, «посюстороннее» целое.

Бытие, находящееся вне и независимо от нашего сознания, существует само по себе. Общезначимые законы природы говорят нам, что бытие несотворимо и неразруσιμο, т. е. что оно не возникло из ничего и не превратит-

ся в ничто. Материальное бытие, объективный мир материалистическая философия именует «объективной реальностью», «материей». Она «отображается» в нашем сознании: мы познаем ее. Эта объективная реальность, материя состоит из бесчисленного множества вещей, явлений и отношений между ними. Материя — это не только все вещественное, но также излучения, как, например, свет. Словом, к материи, к объективной реальности относится все, что существует вне и независимо от нашего сознания. Материю нельзя отождествлять с каким-то одним свойством этой объективной реальности. Подобно тому как неверно сказать, что фрукты — это только яблоки, поскольку тогда из понятия «фрукты» выпадают все другие их разновидности, так и о материи нельзя говорить, что материя — это вещественное. Ибо то, что мы называем веществом, составляет лишь часть материи, образованную из атомов и другого «строительного материала» микромира. Однако в природе существует и бытие иного рода, например электромагнитное поле (радиоволны и т. п.), не являющееся таким веществом.

Когда мы обращаемся к бесконечному разнообразию материальных вещей, явлений и отношений, то видим, что все они — от мельчайшей частицы до гигантских солнц и галактик в космосе, от мертвого камня до высокоразвитого живого существа, человека, — имеют свою историю, что они возникают и исчезают. И нет ничего, что не двигалось бы, не изменялось каким-либо образом. В живых существах происходит постоянный обмен веществ. Они ведут себя в соответствии с воздействиями окружающего мира. В нашей солнечной системе мы всюду видим движение: Луна движется вокруг Земли, Земля — вокруг Солнца. Солнце в свою очередь движется в нашей галактике. Атомы, из которых состоят все тела, движутся непрерывно. Не существует материи без движения. Материю нельзя отделить от движения. Но и

движение от материи тоже! Если бы не было материи, нечему было бы двигаться. Материя и движение образуют неразрывное единство. Движение, как отмечал Ф. Энгельс, есть способ существования материи.

Однако движущаяся материя не может существовать без протяженности вещей, без пространства, без определенной длительности движения, короче говоря, без пространства и времени. Всякое движение включает изменение местопребывания. Поэтому пространство — одно из основных условий движения материи. Оно является формой существования материи. Далее, движение осуществляется в определенной последовательности его разновидностей, оно связано со временем как еще одним основным условием и формой существования материи. Ни одна вещь не может находиться только в пространстве и вне времени или только во времени и вне пространства. Пространство и время неразрывно связаны с каждой вещью и ее движением. «В мире нет ничего, кроме движущейся материи,— писал В. И. Ленин,— и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»¹.

Итак, мы коротко воспроизвели общие положения материалистической философии, касающиеся понимания материи. Эти высказывания согласуются с современными данными естественных наук.

Но как мы можем обосновать, что материалистическое мировоззрение или материалистическая философия дает правильный ответ на вопрос о том, создан ли мир богом?

Начнем с того, что нет ученого и нет науки, которые всерьез заявляли бы, что из ничего может возникнуть нечто. Напротив, наука утверждает: из ничего и возникнуть не может ничего. Наука знает, что все в мире имеет начало и конец. Но она всегда с успехом идет дальше,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 181.

ставя вопрос следующим образом. Итак, этот дом однажды возник. Откуда он взялся? И здесь приходят к таким немудреным вещам, как доски, кирпичи, гвозди, цемент и т. д. Из ничего невозможно построить дом. И так во всех случаях. Все, что существует, не только возникло, но возникло из чего-то другого, что было до него. И все, что существует, погибнет. Но оно не растворяется в ничто, а трансформируется в нечто другое.

Мы выяснили, что из ничего не может ничего получиться, и все, что существует, переходит в нечто другое. Об этом свидетельствует наука, изучающая мир. Мир находится в процессе постоянного становления и исчезновения. Все время возникает новое и отмирает старое. Но то, что становится новым, происходит не из ничего, а из чего-то другого. Равным образом оно в конце концов не распадается в ничто, а переходит в нечто другое. Так наука показывает, что вечно изменяющийся мир — единственное бытие, о котором мы знаем. Признание этого положения равносильно принятию материализма.

Внимание: опасность!

Я здесь недвусмысленно принял сторону материализма. Для моего политического поведения из этого, между прочим, следует, что я сужу о людях и по тому, во что они верят, что думают и говорят, но прежде всего по тому, как они действуют. Это очень важный момент. У меня есть хорошие друзья среди христиан. С точки зрения материалистической философии они имеют ложное сознание. Ну а если они на политической арене вместе со мной выступают за мир, демократию и социализм? Стоит ли мне заявлять им: нет, ваше мировоззрение неправильно? Или мне следует действовать вместе с ними? Я знаю людей, которые не придерживаются религиозных взглядов, но в политике тем не менее они очень

реакционны. Так что же, я должен считать, что они ближе ко мне, чем упомянутые выше христиане? Это было бы совершенно неправильно.

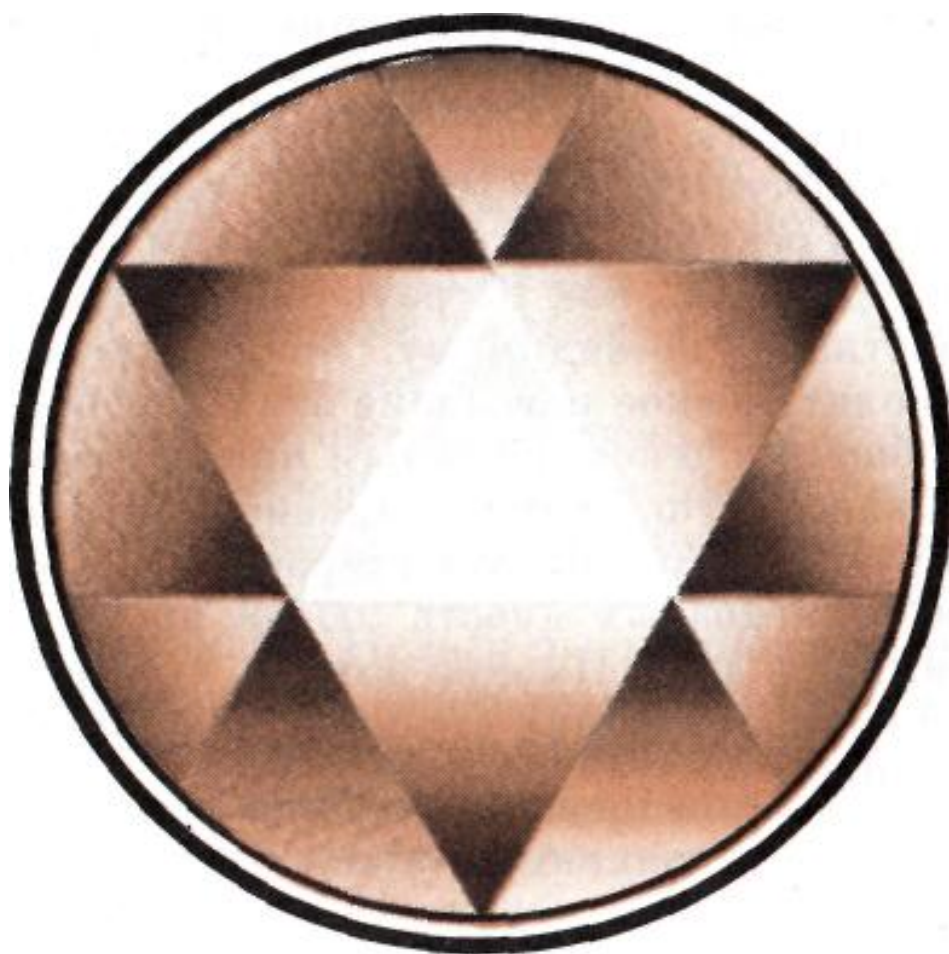
Зачем же мы так долго рассуждали об основном вопросе философии, если ответ на него, по-видимому, не влияет на политическую практику, если христиане могут быть прогрессивными людьми, а люди нерелигиозные — враждебными прогрессу?

Надо смотреть глубже. Здесь речь идет об изложении *марксистской* философии. Марксистский философский материализм предполагает (как это будет показано дальше) партийную позицию по отношению к делу рабочего класса, к социализму. Нельзя быть одновременно марксистом и противником социализма. Когда же человек придерживается идеалистического или религиозного мировоззрения, дело обстоит иначе: марксисты *должны*, а христиане *могут* быть социалистами. Христианин способен вопреки своему мировоззрению стать таковым, если он борется за рабочее дело. Но религия не обязывает его к этому. Марксист же — обязательно борец за рабочее дело. Поэтому мы очень хотели бы, чтобы как можно больше наших соратников по рабочему движению были или становились марксистами, ибо это придает их политическим действиям более отчетливый пролетарский характер. Однако ни в одном из принципиальных документов Германской коммунистической партии, организации «Социалистическая немецкая рабочая молодежь», марксистского студенческого союза «Спартак» мы не выдвигаем в качестве предварительного условия для тех, кто идет вместе с нами, чтобы они сначала отвергли религию, вышли из церкви. Конечно, лучше становиться на сторону марксизма в рамках рабочего движения. Однако и здесь не каждый является марксистом в полном смысле этого слова.

Следует обратить внимание на это предостережение, чтобы не оттолкнуть друзей по совместной борьбе против

войны, гонки вооружений и реакции, за мир, разоружение, свободу и социализм.

И еще одно. Мы выступаем против злоупотребления религиозными чувствами и убеждениями со стороны сил политической реакции. Например, такими ведущими политиками ХДС/ХСС, как Штраус и Фильбингер. Настоящие христиане, по-видимому, придерживаются мнения, что политическое поведение этих людей имеет так же мало общего с действительным призванием религии, как вор с кассой. Но, будучи марксистами и неизбежно полемизируя с религией, мы стараемся не оскорблять при этом религиозных чувств людей аргументами, не относящимися к делу. Именно потому, что мы убеждены в научной ценности наших взглядов, нам такие аргументы не нужны.



Существуют ли основные законы развития?

Когда мы занимаемся основными законами становления и исчезновения, законами развития, то мы делаем это не только для того, чтобы пополнить свои знания, но и по политическим причинам. Кому из нас не приходилось однажды слышать (а может быть, и думать самому): «Надо наконец попытаться двинуть все дело вперед одним мощным рывком (как бы подстегнуть развитие!)». Или: «В истории ничего не возьмешь с налету.

Надо подождать, пока сложится, созреет подходящая ситуация. Многого ли стоит вся эта болтовня о революции? Неустанное попечение о жизненно насущных реформах в итоге дает гораздо больше». Здесь можно было бы поразмыслить над многими возражениями или вопросами примерно такого рода: «Может быть, в истории и есть развитие, но вот почему оно есть, этого мы не можем узнать». Или: «Допустим, в истории обнаруживаются законы становления и исчезновения. Однако все, что делаем мы, люди, связано с нашими знаниями. Таким образом, сформулированные философами законы исторического развития имеют духовную природу. То, что говорилось выше об основном вопросе философии, совсем не относится к истории». Действительно ли не относится?

Мы хотим обсудить все эти вопросы, ибо они показывают, насколько важно для правильных действий в политике изучение законов становления и исчезновения.

Только в сказках бывает так, что за время столетнего сна за терновой изгородью не изменяется ни спящая красавица, ни королевский замок. И только в сказках существует такой источник живой воды, в который погружаются старыми, а выходят молодыми. На самом же деле никто и ничто не может избежать естественного закона становления и исчезновения — ни растения, ни животные, ни человек.

Каковы же доказательства того, что все в мире развивается?

Неживая природа тоже непрерывно изменяется. Реки меняют русло, горы и моря — свою форму, вся Земля — свой облик. Наша Земля и солнечная система, в которую она входит, не остаются вечно неизменными. Ученые вычислили, что Земля возникла несколько миллиардов лет назад. С тех пор она претерпела многие стадии развития. Они сегодня уже настолько изучены,

что мы можем рассказать о том, как изменялась Земля на протяжении миллионов лет.

Год за годом мы видим, как звезды совершают свое круговращение. По их кажущемуся неизменным бегу люди ориентировались уже много тысяч лет назад. Однако неизменность звездных орбит лишь видимость. И в мире звезд происходят изменения, правда по земным меркам они очень медленные и протекают в течение миллионов и миллиардов лет. Но они непрерывно происходят повсюду во вселенной: звезды изменяют силу своего свечения, становятся тусклее или ярче, совершенно угасают или возгораются вновь. Они снова и снова изменяют свое положение относительно друг друга. Если бы мы смогли через несколько сот тысяч или миллионов лет взглянуть на ночное небо, то мы нашли бы знакомые созвездия существенно изменившимися.

Аналогично обстоит дело и «внутри» вещественного мира: от мельчайших известных на сегодня «кирпичиков» мира, так называемых элементарных частиц, образующих атомы, до атомов, которые соединяются в более крупные образования, так называемые молекулы, от молекул мертвых и живых тел всех величин до самых крупных объектов космоса — все находится в вечном движении.

А человеческое общество? Даже краткий опыт нашей собственной жизни показывает нам, что в совместной жизни людей непрерывно происходят изменения. Возьмем лишь последние десятилетия. Как стремительно изменилась карта мира! Там, где еще несколько лет назад были обозначены британские, французские или португальские колонии, сегодня мы находим наименования свободных национальных государств. Народы этих государств сбросили колониальное ярмо, а по убеждению колониальных властителей, они обречены были влачить его вечно.

Когда в 1933 году фашизм установил в Германии

свой жестокий режим, нацистские вожди перед всем миром похвалялись своим «тысячелетним рейхом». Через двенадцать лет гитлеровский рейх был вдребезги разбит.

До октября 1917 года капитализм еще господствовал во всем мире. С победой революции в России положение совершенно изменилось. Некогда отсталая царская Россия при Советской власти стала второй индустриальной державой мира. Во многих областях производственной и научной жизни она ныне занимает даже первое место в мире. Сегодня существует целая группа социалистических стран. В мировом масштабе социализм все более становится ведущей прогрессивной силой нашей эпохи. Так за немногие десятилетия изменился социальный облик нашей планеты.

Наши дедушки и бабушки еще поражались первым «телегам без лошади», автомобилям, которые с шумом и треском катились по городам и деревням. Мы же были свидетелями полета людей на Луну.

Так всему в мире — от неизмеримых далей космоса до глубин природы, от высших форм живой материи до мертвых каменных глыб — присуще движение, изменение, развитие.

Человеку неизбежно приходит в голову мысль, которую Ф. Энгельс сформулировал следующим образом: *«Движение есть способ существования материи»*. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или в качестве электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент. Всякий покой, всякое равновесие только относительны, они име-

ют смысл только по отношению к той или иной определенной форме движения. Так, например, то или иное тело может находиться на Земле в состоянии механического равновесия, т. е. в механическом смысле — в состоянии покоя, но это нисколько не мешает тому, чтобы данное тело принимало участие в движении Земли и в движении всей солнечной системы, как это ничуть не мешает его мельчайшим физическим частицам совершать обусловленные его температурой колебания или же атомам его вещества — совершать тот или иной химический процесс. Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи. Движение поэтому так же несотворимо и неразруσιμο, как и сама материя...»¹ Позже нам нужно будет еще раз вернуться к этому положению.

Как были открыты законы развития?

Знание о том, что все в мире движется, издавна вызывало у мыслящего человека вопросы. Откуда берется это движение? Было ли оно когда-то и каким-нибудь образом вызвано первотолчком, перводвигателем (богом)? Или же внемировое божественное существо постоянно вторгается в ход вещей, чтобы поддерживать мир в движении? А может, движение является неотъемлемым свойством вечно существующего мира и поэтому несотворимо и неразруσιμο? (Именно так понимает дело марксизм, что следует из процитированных выше слов Ф. Энгельса.)

И далее: раз все развивается, то как, в какой форме происходит развитие? Имеет ли оно определенную направленность, или же сталкивающиеся друг с другом движения препятствуют тому, чтобы развитие приняло какое-то направление?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 59.

Когда человеческое познание от суеверных форм истолкования мира поднялось до его научного объяснения, то оказалось, что в движении существует известная упорядоченность. Упорядоченно двигаются звезды. Времена года следуют друг за другом в определенном порядке. Вода всегда течет под гору. Когда развивается растение, почка всегда предшествует цветку и т. д. Между вещами и явлениями явно имеют место определенные существенные взаимосвязи, отмеченные признаком повторяемости. Такие взаимосвязи мы называем *законами*. Их познание впервые позволяет ориентироваться в непрерывно совершающихся процессах. Итак, люди ставили вопрос об основании подобной упорядоченности, о причинах последовательности событий, о законах развития.

Древнегреческий философ Гераклит (ок. 544 — ок. 483 до н. э.) высказал мнение, что мир подобен вечно возгорающемуся и погасающему огню. В мире «все течет», и невозможно два раза войти в одну и ту же реку, потому что она уже успела измениться. На вопрос о том, почему все развивается, Гераклит отвечал: «Борьба — отец всего и всему царь». Из взаимного воздействия различных противоположных сил, сторон, свойств вещей проистекает их изменение, их развитие.

Такое объяснение движения и развития, исходящее из единства и взаимодействия противоположных условий, сторон, черт, сил, называют *диалектикой*. Первоначально это пришедшее из греческого языка слово означало «искусство беседы», умение посредством аргументов и контраргументов, борьбы мнений прийти к правильному пониманию. Так, Платон (428/427 — 348/347 до н. э.), другой великий древнегреческий философ, изложил свои воззрения в виде дискуссии, диалогов между различными людьми. Слово «диалектика» претерпело затем изменение своего смысла и сегодня

означает учение о противоречиях, о борьбе противоборствующих моментов в самих вещах, как движущей силе, источнике их движения.

Великие образцы диалектического мышления можно найти в трудах мыслителей и древности, и средних веков, и нового времени. Среди диалектиков нового времени прежде всего следует назвать великого немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770— 1831), труды которого сыграли большую роль в формировании философии марксизма.

Для Гегеля противоречие, единство и борьба противоборствующих сторон были движущей силой развития. Он впервые открыл закономерность, показывающую, каким образом совершается развитие и какой закон придает ему направленность. Впрочем, Гегель в философии был идеалистом. Он полагал, что не природа является основой и творцом бытия, а дух (внемировой дух, подобный богу). Следовательно, то, что движется,— это, по его мнению, дух, а не природа.

Маркс и Энгельс подвергли критике идеалистическую оболочку гегелевской диалектики, раскрыли и исследовали движение там, где оно действительно происходит: в природе и в обществе. Движение нашего духа представляет собой не что иное, как отражение действительного движения, и поэтому оно происходит в соответствии с этими диалектическими законами действительности — в той мере, в какой наше сознание правильно отражает мир. Таково основное положение материалистической диалектики.

Знание диалектических законов действительности составляет условие правильного предсказания будущего развития, а значит, правильного планирования наших действий. Каждая отдельная наука в своей предметной области исследования прилагает усилия к познанию этих законов. В мире, однако, имеется бесконечно много вещей, явлений и соответствующих процессов раз-

пития. В каком же направлении происходит движение и развитие? Для решения этого вопроса было недостаточно создать учение о развитии в какой-нибудь специальной области науки, для его решения необходима разработка всеобщего, то есть философского, учения о развитии. Следует выяснить, есть ли нечто общее между частными закономерностями развития бесконечно многих вещей и явлений мира, имеются ли общие черты в этих закономерностях, способны ли мы понять и сформулировать общие закономерности развития материального мира.

Материальный мир, однако, состоит не только из отдельных, обособленных вещей, но представляет собой единство. Все вещи и явления мира связаны между собой. Относительно живой материи это показала дарвиновская теория происхождения видов, о которой мы поговорим позже. Наука сегодня уже не сомневается в том, что жизнь возникла на базе неживой природы. Очевидно также, что существует взаимосвязь между развитием нашей планеты и солнечной системой в целом. Короче говоря, все вещи и явления мира связаны между собой. Ничто не существует само по себе. Всякая вещь, всякое явление обусловлено другою вещью, другим явлением и может быть понято, только исходя из его существенных взаимосвязей. Особое ударение сделано здесь на слове «существенные». Ибо не все взаимосвязи однородны и имеют одинаковое значение. Взаимосвязи, далее, не сводятся лишь к упорядоченным отношениям (структурам); вещи и явления зависят друг от друга также в эволюционно-историческом плане. «В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»¹, — писал Ф. Энгельс.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 392.

Из этого факта следует важный вывод. Если все взаимосвязано, все развивается друг из друга, то существуют законы развития, которые относятся не только к определенным вещам и явлениям, но и действуют во всем материальном мире. Именно *эти* законы развития изучает и формулирует марксистская философия.

Примерно с конца XIX века ни один серьезный ученый не оспаривает развития всего окружающего нас мира. Идея развития с этого времени находит всеобщее признание, она повсеместно представлена в учебниках и преподается в школах. Это общее признание было результатом долгой духовной борьбы против поборников старых, ненаучных учений на протяжении всего XIX века. Подобным учением, например, была религиозная доктрина, согласно которой бог создал мир со всеми растениями, животными и людьми в течение семи дней, после чего все вплоть до сегодняшнего дня оставалось неизменным.

Среди ученых и исследователей, которые боролись против таких ненаучных доктрин, первым следует назвать имя Чарлза Дарвина (1809—1882). В своем главном произведении «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) он доказал, что различные виды живых существ развились друг из друга. Материалистические воззрения Дарвина получили живое одобрение Маркса и Энгельса. Среди немецких ученых особенно твердо и мужественно защищал идею развития и вместе с нею учение Дарвина от всех ненаучных нападок Эрнст Геккель (1834—1919).

В конце XIX века и представителям философского идеализма пришлось признать идею развития. К этому их принудил непрерывно умножавшийся неоспоримый фактический материал, который накапливался в самых различных областях науки. Однако идеализм был побежден не до конца. Он тотчас же попытался — и пытается до сих пор — в собственных целях фальсифицировать

учение о развитии. Поэтому и после всеобщего признания идеи развития духовная борьба в данной области не прекратилась. В этой борьбе между материализмом и идеализмом суть спора заключается в том, как понимать развитие, как оно происходит, каковы его движущие силы.

На какие вопросы должно отвечать общее учение о развитии?

Отдельные формы движения, естественно, должны изучать частные науки. Философия же призвана исследовать основные законы, общие для всех процессов движения и развития, и попытаться дать общезначимые ответы на вопросы следующего порядка. Откуда берется движение, почему все движется? Каким образом происходит движение? В каком направлении совершается движение и развитие?

Учение, которое объединяет общие признаки всех процессов развития, мы называем философским учением о развитии. Марксистская философия дает ответ на эти вопросы в основных законах диалектики. Исходя из всеобщей взаимосвязи всех вещей и явлений, она формулирует в качестве основных три закона: *закон перехода количественных изменений в качественные; закон отрицания отрицания; закон единства и борьбы противоположностей*. Здесь нам встретились некоторые понятия, которые следует объяснить.

О всесторонней взаимосвязи

Всем нам известны убедительные доказательства верности положения о том, что все на свете более или менее взаимозависимо. Вспомним, например, об открытии эффективнейшего средства для уничтожения вредных насекомых, получившего название ДДТ. Мы, люди

старшего поколения, знаем, какие страдания приносили в конце войны вши. Это было не только неприятно (зуд!), но и опасно, так как вши распространяют сыпной тиф. Только ДДТ избавило нас от вшей. Стало быть, ДДТ — величайшее благодеяние. Однако это еще не вся правда! Всю правду мы узнали только позднее.

ДДТ уничтожило насекомых, которые вредили растениям. Что за благодеяние! Но тем самым ДДТ уничтожило и корм для птиц: весна стала безмолвной! Но когда становится меньше птиц и меньше пчел, которые тоже пострадали от ДДТ, то хуже опыляются соцветия растений, меньше становится плодов и фруктов. Стало меньше птиц, и сократилась численность кошек. Меньше кошек, — значит, больше мышей, больше крыс и т. д. и т. п. Или: меньше мух, — значит, меньше корма для рыб, которые важны не только для рыболовов, но и для очищения воды. И это еще далеко не все. Вместе с дождевой водой это самое ДДТ попадало в почвенные воды, в реки и моря, а значит, и в нашу пищу. Оно оседало в наших мускулах, и его уже невозможно было вывести из организма. В конце концов на международных конференциях ученые и государственные деятели пришли к выводу: поскольку есть и другие средства борьбы с вредителями, следует решительно ограничить применение ДДТ. Может быть, с прогрессом науки и будет когда-нибудь открыто средство, которое облегчит его использование.

В какой мере все на свете взаимосвязано, можно увидеть еще более отчетливо также на примере дискуссии по проблеме мирного использования ядерной энергии.

Приливы и отливы связаны с силой притяжения Луны, то есть поистине «дальнодействующей» причиной. Мы можем взять этот факт в качестве примера внутренних взаимосвязей в нашей солнечной системе.

Приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы с полным основанием сделать вывод: в мире ве-

щей и явлений существуют упорядоченные взаимосвязи, системы взаимосвязанных вещей и явлений. (Система — это заимствованное из греческого языка слово, которое буквально означает «составленное из частей, соединенное». Подразумевается расчлененная, упорядоченная целостность различных вещей и явлений.)

Эти взаимосвязи наличествуют в пространственном и временном отношении. Все существующее находится в таких пространственных и временных взаимосвязях. Если мы хотим правильно познать какую-нибудь вещь, то мы должны рассматривать ее в ее взаимосвязях. Капитализм представляет собой общественный строй, который характеризуется двумя большими группами (классами) людей. Одни, предприниматели, капиталисты, имеют в своей собственности источники существования людей: землю, фабрики и заводы; другие, рабочие, служащие и мелкие чиновники — пролетарии, не имеют ничего, кроме своей рабочей силы, которую они должны за заработную плату, или оклад, продавать капиталистам или буржуазному государству, чтобы не умереть с голоду. Так вот, капитализм как общественный строй можно правильно понять только в том случае, если мы принимаем в расчет, что он существовал не вечно, что он возник исторически, а следовательно, в известный исторический момент и погибнет.

Однако на практике невозможно всегда руководствоваться требованием исследовать вещи в их совокупных взаимосвязях. Мы должны стремиться схватить самые важные при данных обстоятельствах взаимосвязи.

Легко сказать, самые важные — но что считать важным? На этот вопрос нельзя ответить, если не располагать соответствующим мерилom. К примеру, при рассмотрении общественных процессов в *классовом* обществе таким масштабом является борьба классов. В *бесклассовом* обществе его применение уже было бы невозможно. Но и в *классовом* обществе далеко не достаточно

повсюду прикладывать масштаб классовой борьбы. Эксплуатирующий и эксплуатируемый классы используют разные масштабы. Следовательно, реальные взаимосвязи в таком обществе можно правильно познать лишь в том случае, если не просто оперировать общим масштабом классовой борьбы, а встать на позиции того класса, который в настоящее время воплощает исторический прогресс. Сегодня это — рабочий класс и рабочее движение за освобождение людей от эксплуатации и угнетения. Но чтобы обосновать это положение, нужны опять-таки основательные исторические и прочие знания.

Например, сформулированное выше суждение о рабочем классе в общем виде совершенно недостаточно. Ведь в рабочем движении существует, скажем, социал-демократическое течение, которое все свои надежды возлагает на реформы. В противоположность ему Германская коммунистическая партия, организация «Социалистическая немецкая рабочая молодежь» и марксистский студенческий союз «Спартак» подчеркивают, что мы должны, конечно, выступать за реформы, но при этом надо стремиться в конечном счете не к реформированию эксплуатации, а к ее устранению, не к реформированию власти крупных предпринимателей, а к ее уничтожению. Чтобы убедительно обосновать свою правоту, мы должны учесть больше взаимосвязей, чем это было сделано до сих пор.

Другими словами, чтобы решить, какие взаимосвязи важны для познания определенной вещи, определенной ситуации, определенного явления, а какими в данных обстоятельствах можно пренебречь, необходимы глубокие знания. Поэтому мы ни в коем случае не должны довольствоваться усвоением первого принципа диалектики, *принципа всесторонней взаимосвязи* всех вещей и явлений.

Давайте перейдем к другим принципам диалектики.

1. Как совершается развитие?

Когда мы изучаем некоторый процесс развития, то прежде всего мы видим процесс постепенного роста, небольших изменений, увеличения (уменьшения), прибавления (убывания), то есть изменений, которые мы называем *количественными*. Однако вещи имеют не только количественную сторону, а развитие связано не только с признаком количественного изменения.

Количество означает величину, число, объем, отличительные признаки состояния вещи и т. д. «...Всякое существующее, чтобы быть тем, что оно есть, и чтобы вообще обладать наличным бытием, имеет некоторую величину»,— писал Гегель.

Всякая вещь необходимо отличается от других вещей *количественными* и *качественными* признаками. Они внутренне связаны между собой. Количественные признаки «открыты внешнему определению». Гегель имеет здесь в виду, что они способны изменяться без того, чтобы при этом тотчас же изменялось бы и качество вещи. Когда я при нормальном атмосферном давлении нагреваю или охлаждаю воду до любой температуры между 0° и 100° , это не оказывает никакого влияния на ее текучесть. Но это «равнодушие» количественных признаков вещи по отношению к ее качеству является лишь одной стороной медали. Если я нагрею воду до температуры выше 100° , то она станет газообразной (паром), а при ее охлаждении ниже 0° она станет твердой (льдом), то есть коренным образом изменит свои свойства. Растение в известных границах может существовать при большей или меньшей увлажненности почвы. Но вне этих границ растение либо засохнет, либо сгниет.

Следовательно, качество означает одновременно и *меру*, некоторую границу, за пределами которой изменения следует производить только в том случае, если при

этом принимается в расчет качественное изменение данной вещи. После того как эта граница достигнута, продолжение процесса, не имевшего до тех пор заметного влияния на качество вещи, приводит к радикальным воздействиям, изменяющим ее качество. Это «исполнилась мера вещи», это та самая капля, которая переполняет чашу или заставляет сломаться ручку кувшина. Если мы один за другим вырываем волосы на голове, то эта операция не может повторяться бесконечно, но «сами по себе незначительные количества... *суммируются*, а сумма составляет качественное целое, так что под конец это целое оказывается исчезнувшим, голова — лысой, кошелек — пустым». Это выразительное описание принадлежит Гегелю.

Количественная сторона вещи и изменение ее количественных признаков имеют, таким образом, двойственную природу: с одной стороны, они несущественны, а с другой — все же существенны для качества вещи.

Теперь, после необходимого разъяснения, рассмотрим, как, в какой форме протекает развитие. При этом обнаруживается определенная закономерность, действие которой мы очень хорошо можем наблюдать на себе самих. Из детей мы превращаемся во взрослых. С одной стороны, наше развитие происходит незаметно, медленно и равномерно. Именно поэтому некоторые родители и продолжают относиться к своим уже выросшим сыновьям и дочерям как к маленьким детям. Они не заметили важного перехода — перехода от детства к юности.

Это развитие, которое в ходе своей жизни совершает каждый человек, представляет собой единый процесс, имеющий как бы две разновидности (слово «процесс» происходит из латинского языка и означает последовательную смену состояний, развитие, а еще точнее — продвижение вперед).

Одна его разновидность состоит в непрерывно происходящих изменениях, которые протекают очень медленно и поэтому едва заметны. Эти изменения касаются лишь внешних параметров: люди становятся больше, формируются их лица и тела, они учатся, приобретают знания и т. д.

Другая же разновидность развития состоит в таких изменениях, которые никак не являются внешними, а, напротив, оказывают глубокое воздействие и внутренне изменяют всю прежнюю сущность человека. В сравнении с первыми они протекают стремительно. Поэтому при внимательном наблюдении эту разновидность единого процесса развития легче воспринять и легче зафиксировать тот момент, когда происходят подобные изменения. Таково начало нового периода жизни, например начало юности.

Мы видим, что две разновидности единого процесса развития сменяют друг друга, что каждая из них наступает только тогда, когда другая создает для этого необходимые предпосылки. Процесс развития в целом состоит не в одной или в другой из этих двух его разновидностей, а в их единстве. Новое возникает уже в лоне старого.

Мы говорили сейчас о развитии отдельного человека, доставляет ли своеобразие именно человеческого развития тот факт, что в нем обнаруживаются две такие разновидности? Не нужны долгие поиски, чтобы отыскать их во всей окружающей нас природе и во всех процессах развития. Мы находим их в развитии каждого растения. Сначала растет и набухает почка, она становится больше и больше, но все еще остается почкой. Эти изменения в конце концов сменяются другими, открывающими новый период развития: из почки образуется цветок, цветок раскрывается.

Две разновидности единого процесса развития мы обнаруживаем и в развитии человеческого общества.

Постепенная, отчасти даже не распознаваемая, «реформистская» форма развития длится часто десятилетия и века, пока вдруг не сменяется глубоким революционным переворотом, скачком из старого общественного строя в новый, переходом старого качества в новое.

Все это не случайности, а неотъемлемое, существенное проявление всякого действительного развития. Тот, кто думает, что развитие представляет собой лишь постепенный рост без «скачков», «катастроф», «революций» (слово «революция» происходит из латинского языка; сегодня мы понимаем под революцией относительно быстро происходящий, бурный процесс основополагающих социальных изменений), что оно является чисто количественным изменением, тому нечего ожидать возникновения нового явления. Приверженцы такого представления полагают, например, что в семени можно обнаружить крохотно малую форму готового живого существа,— и это во времена электронных микроскопов!

Согласно подобному представлению, ничто не возникает и не уничтожается. В действительности же развитие здесь просто-напросто отрицается. Гегель правильно говорил в этой связи: «Предположение о постепенности возникновения исходит из представления о том, что *возникающее уже наличествует* чувственно или вообще в *действительности* и лишь из-за своей незначительности *еще не может быть воспринято*, точно так же как предположение о постепенности исчезновения исходит из представления о том, что *небытие* или *иное*, занимающее место исчезающего, также *наличествует*, но *еще не может быть замечено*... Этим возникновение и прехождение вообще снимаются...» Возникающее или исчезающее, по этой логике, только становится больше или меньше, но с самого начала оно имеется и до конца остается в наличии. Изменение здесь представляет собой лишь уменьшение или увеличение, а не становление и исчезновение. Там, где развитие толкуется лишь

как рост, лишь как развертывание уже наличного, только как количественное изменение, там в действительности нет никакого развития. Без «качественного перехода того или нечто в свое иное», по словам Гегеля, развития не существует.

Мы видим, что в природе и в обществе качественный переворот в развитии подготавливается количественными изменениями, которые наступают постепенно. В сравнении с постепенно накапливающимися количественными изменениями качественное изменение совершается относительно быстро. Поэтому говорят также о качественном перевороте или о «скачке в новое качество», а иной раз коротко о скачке в развитии.

С качественным изменением развитие не прекращается. В процессе развития качественное изменение подготавливает одновременно и новые количественные изменения. Качественные и количественные изменения непрерывно сменяют друг друга.

Если мы основательно задумаемся в этот закон диалектики, то поймем (позднее, когда мы изучим закон единства и борьбы противоположностей, составляющих движущую силу движения и развития, это понимание еще углубится), что развитие, становление и исчезновение могут осуществляться только в том случае, если происходит процесс перехода количественных изменений в качественные. Не будь так, все развитие сводилось бы к уменьшению или увеличению уже существующего. Но тогда это было бы просто круговоротом, повторением, а не развитием. Именно поэтому диалектика представляет собой самое глубокое, всестороннее учение о развитии.

В правильности такого вывода мы убеждаемся также потому, что всякое другое учение начинает процесс развития с некоего перво двигателя, где-то в прошлом. Однако если этот перво двигатель сам двигался, то нужно было бы объяснить движение такого «начала», то есть

тем самым ничего не достигается в понимании сути дела. Если же он был неподвижен, то развитие объяснялось бы, исходя из покоя, исходя из его собственной противоположности, то есть вообще никак не объяснялось.

Существуют, правда, наряду с диалектикой и другие попытки объяснить развитие, но, как мы неоднократно указывали, они не справляются с данной проблемой. Поэтому В. И. Ленин в свое время с полным правом писал: «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *д в и г а т е л ь н а я* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «с а м о»* движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Т о л ь к о* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»¹.

Количественные и качественные изменения в процессе становления и исчезновения в природе и обществе образуют две разновидности одного и того же явления.

Количественные изменения в марксистской философии называются также *эволюционной* стороной развития, а качественные изменения — его *революционной*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

стороной. При этом эволюция (латинское слово, означает развитие, развертывание) совершается как процесс медленных, постепенных, идущих шаг за шагом изменений; а революция — как неожиданный, скачкообразный процесс. Эволюция и революция — во всяком становлении и исчезновении мы находим их как необходимые признаки преодоления старого, отжившего и рождения нового, растущего. В процессе развития они образуют нераздельное единство. Ни эволюционная, ни революционная сторона развития не является самодовлеющей. Понимать это очень важно для познания процесса становления и исчезновения в мире.

Мы подчеркиваем важность данного положения особенно в связи с тем, что немало буржуазных философов, говорящих или пишущих о становлении и исчезновении, с неловким усердием стараются замолчать его или оспорить его правильность. Тон задают здесь те буржуазные обществоведы, которые более или менее открыто защищают старый капиталистический строй. Они утверждают, что в природе и в первую очередь в обществе существует только эволюция, только количественный рост уже существующего. Они отрицают, что в каждом процессе развития в конце концов скачкообразно возникают новые качества и что эволюция при этом необходимо переходит в революцию.

Поэтому буржуазные обществоведы утверждают, что социальные революции, направленные против буржуазного строя, являются ненормальными состояниями, болезнями социального тела, с которыми нужно бороться так же, как врач борется с болезнью, спасая жизнь пациента. Они стремятся внушить людям страх и отвращение к революционному изменению общества.

Однако действительность общественной жизни не сообразуется с желаниями защитников крупного капитала. Она подчиняется великим, никем и ничем не устранимым общим законам становления и исчезновения.

Если в процессе развития общества совершается революция, то в этом нет ничего необычного. Она не является ни болезнью общества, ни результатом махинаций каких-то злоумышленников и подстрекателей. К. Маркс назвал социальные революции локомотивами истории. Благодаря их воздействию человеческое общество идет вперед. Все общественные отношения претерпевают закономерное развитие.

Но данный процесс имеет также другую сторону, которую не видят или не учитывают некоторые приверженцы «революционного» нетерпения. Действительное развитие отрицает не только тот, кто признает лишь количественную сторону его процесса, но и тот, кто в становлении видит только качественные изменения, кто всюду видит или требует революций и скачков, напрочь отрицая тем самым реформы. Не бывает неподготовленных переломов, скачков, революций. Верить, что человек без эволюционных взаимосвязей со всем прочим животным миром мог появиться как бы «без подготовки», «в одну ночь», «из ничего», — значит верить в чудо. Точка зрения, согласно которой между социализмом и предшествующими ему эксплуататорскими обществами нет ничего, кроме большой пропасти, является авантюристической. Социализму совсем ни к чему уничтожать с таким трудом созданную в предшествующих общественных условиях технику (поскольку-де с ее помощью людей эксплуатировали в мирное время и убивали на войне), разрушать созданные в прошлом великие ценности культуры (поскольку-де они служили эксплуататорским классам).

Действительное развитие общества, означающее переход к новому социальному строю, всегда обнаруживает обе стороны единого процесса развития: количественную, или эволюционную, и качественную, или революционную. Это всеобщая, не зависящая от нашего желания и воли, то есть объективная, закономерность всякого

становления и исчезновения в природе, обществе и в нашем мышлении. Она действует и тогда, когда мы ее не осознаем. Если при обсуждении вещей, явлений, политических задач мы не рассматриваем их в контексте количественных и качественных, эволюционных и революционных взаимосвязей, то это противоречит научному подходу к процессу развития.

Тот, кто в политике признает лишь эволюционную форму развития, тот совершает столь же принципиальную ошибку, как и тот, кто повсюду видит или стремится «делать» только революции. В первом случае мы имеем дело с политической практикой правого оппортунизма. Слово «оппортунизм» происходит из латинского языка и означает «использовать благоприятный случай». Но в политике это слово имеет другой смысл. В рабочем движении оппортунистом является тот, кто отступает от рабочего дела, проповедуя необходимость «сотрудничества» рабочих и капиталистов. Оппортунисты испытывают страх перед революцией, в лучшем случае они хотят только реформ, то есть изменений лишь *внутри* существующего капиталистического общественного строя. Такая политическая практика отстаивается социал-демократией.

Во втором случае мы имеем дело с политическим авантюризмом, или «левым» оппортунизмом. Такая характеристика относится и к террористическим группировкам, к маоистам, которые считают, что нужно как можно больше говорить о вооруженном восстании, чтобы убедить массы в его необходимости. Если правые оппортунисты довольствуются тем, что с помощью реформ хотят предпринять изменения в рамках существующего строя, желают искупать медведя, не замочив ему шкуру, то «леваки» норовят снять с медведя шкуру, еще не поймав его; они стремятся перепрыгнуть долгий и трудный процесс воспитания и завоевания масс в борьбе за реформы. Германская коммунистическая пар-

тия и братски связанная с ней молодежная организация «Социалистическая немецкая рабочая молодежь», а также марксистский студенческий союз «Спартак» выступают за верное, диалектическое соединение движения за реформы с борьбой за коренной переворот.

Резюмируем еще раз сказанное. Небольшие, сначала едва заметные количественные изменения путем постепенного накопления в конце концов приводят к качественным изменениям, вследствие которых вещи совершенно изменяются, а из старого возникает новое.

Итак, мы познакомились с очень важным законом развития, который действует как в материальном мире, так и в нашем мышлении. Знание этого закона позволяет нам объяснить, каким образом происходит развитие вещей и явлений материального мира и мышления.

Однако, как ни важен названный закон, процесс развития еще не объясняется им исчерпывающим образом. Мы получаем лишь ответ на вопрос, *как* протекает процесс развития. Если же мы хотим более обстоятельно ознакомиться с процессом развития, то нам надо прояснить дальнейшие вопросы.

2. Развитие как «снятие». Что это такое?

Мы исходили из всесторонней пространственно-временной взаимосвязи развивающихся материальных и духовных вещей и явлений. Затем с помощью закона взаимосвязи количественных и качественных процессов, действующего во всех развивающихся вещах и явлениях, мы показали, как, каким внешне распознаваемым способом должно протекать всякое развитие. *Закон отрицания отрицания* — вот что придает развитию определенную направленность, что препятствует его превращению в беспорядочное движение или в круговорот. А последнее было бы застоем при видимости движения.

Смену старого качества новым Гегель называл «отрицанием» (Negation). Это слово, происходящее из латинского языка, означает собственно «уничтожение». Но диалектическое понятие «отрицание» подразумевает не просто уничтожение. Дело в том, что существует два вида отрицания чего-либо. Первый случай: ячменное зерно, которое предварительно было поджарено, чтобы превратиться в солодовый кофе, уничтожается кофемолкой. Второй случай: это же ячменное зерно посеяно в землю и «уничтожается» проросшим из него стеблем и колосом. Два эти отрицания отличаются друг от друга. В диалектике имеется в виду отрицание во втором смысле.

Понятие отрицания весьма плодотворно для объяснения данной стороны процесса развития потому, что переход от старого качества к новому всегда является преодолением, отбрасыванием, то есть отрицанием, старого качества.

В этом смысле росток, который развивается из ячменного зерна, представляет собой его отрицание. В социальной области социалистический общественный строй, который приходит на смену капиталистическому общественному строю, есть отрицание последнего.

Но развитие материального мира нигде и никогда не приходит к концу. Данное растение в конце концов погибает, но из его семян вырастают новые стебельки. И это тоже отрицание в философском смысле. А такое отрицание вызывает новое отрицание и т. д. Мы видим, что процесс развития есть бесконечная последовательность отрицаний. Каждая вещь, которая возникает, одновременно является отрицанием другой вещи, которая гибнет. Каждая вещь в конце концов сама будет подвергнута отрицанию, ибо все существует (живет, имеется в наличии) лишь определенное время. Именно в этом смысле можно сказать, что развитие — это отрицание отрицания.

Есть немало случаев, когда закон отрицания отрицания вызывает совершенно определенное, как бы спиралевидное восходящее развитие. Ячменное зерно — отрицание ячменного зерна стеблем — отрицание этого отрицания колосом, в результате чего происходит как бы «возвращение» к исходному пункту, ячменному зерну, но на более высоком уровне, ибо из одного зерна получилось две-три дюжины зерен.

Следует посмотреть, все ли и всегда ли в процессе становления и исчезновения отрицается полностью. Давайте поточнее представим себе переход человеческого общества от капитализма к социализму, социалистическую революцию. Мы уже говорили, что социалистический общественный строй есть отрицание капиталистического общества. Означает Ли это, что при переходе к социализму отрицается все, что возникло при капитализме, например крупные промышленные предприятия с их современной техникой, современные средства сообщения, театры, больницы, школы?

Отрицается ли все это и многое другое таким образом, что подвергается уничтожению? Иные антимарксисты, да кое-кто по невежеству, утверждают именно так. Однако нечто подобное было бы авантюристической и бессмысленной позицией. Верно как раз обратное. В социалистических странах трудящиеся используют то, что капитализм не разрушил, как основание для дальнейшего развития общества.

Да и сам марксизм не упал с неба, подобно молнии. Он имеет домарксистские источники, которые мы отнюдь не замалчиваем, например учение Гегеля. И именно В. И. Ленин сказал революционной молодежи, что нельзя стать коммунистом, не обогатив свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество в ходе своей долгой истории.

Отсюда явствует, что переход от старого к новому означает как разрыв между различными стадиями раз-

вития, так и взаимосвязь между ними. Взаимосвязь между различными стадиями развития состоит именно в том, что все способное к жизни и развитию не гибнет вместе со старым и отжившим, но существует и развивается дальше на новой стадии развития. То, что гибнет, старо и дряхло. То, что несет в себе зародыш новой жизни, может существовать и дальше, оставив позади себя старое.

Поэтому процесс становления и исчезновения в материальном мире представляет собой восхождение от простых, низших ступеней к более высоким. Можно также сказать: развитие в материальном мире — это поступательный процесс, происходящий закономерным образом.

Конечно, не следует представлять этот процесс развития от низшего к высшему как простой и прямолинейный. Возможны и отклонения от восходящей линии, периоды временного застоя и периоды регресса, например когда фашизм установился в некоторых странах. Одним словом, совокупный процесс поступательного развития является чрезвычайно сложным. Поэтому отнюдь не легко действительно понять переход к более высоким стадиям развития.

3. Что движет развитие вперед?

Мы познакомились с законами, которые объясняют, *как и в каком направлении* совершается развитие материального мира. Теперь же мы хотим исследовать вопрос о *движущих силах* развития, чтобы еще глубже проникнуть в процессы развития в природе и обществе и научиться их лучше понимать. Тем самым мы подбираемся к ядру диалектики, к *закону единства и борьбы противоположностей* во всех вещах и явлениях. Эти противоположности представляют собой источник, побудительную силу движения и развития.

За всем, что движется, изменяется и развивается, наши далекие предки усматривали особые божественные существа, которые по своей воле могли вызывать эти изменения. Зевс (верховный бог у греков) в гнев метал молнии и заставлял греметь гром; Посейдон (повелитель морей) к гибели людей напускал на море бурю и заставлял землю сотрясаться; Афина (тоже греческая богиня) покрывала густым туманом суда, которым угрожали враги, и т. д.

Но уже с давних пор люди учились распознавать естественное происхождение факторов, которые непрерывно приводят в движение и изменяют окружающий нас мир. Электрическое напряжение в атмосфере вызывает молнию. Сдвиги отдельных участков земной коры, выбросы газа при извержении вулканов или обвалы в подземных пустотах являются причинами землетрясений и цунами. Конденсация водяных паров в воздухе приводит к возникновению тумана.

В состоянии ли мы, исходя из наших научных знаний и практического опыта, объяснить, какие естественные силы действуют в различных процессах развития и форсируют их? Мы сумели бы сделать это, если бы исследовали каждый процесс развития в отдельности. Само собой понятно, что на такой труд не способен какой-то один человек. Наука уже много веков занимается этой задачей, а конца ее деятельности не видно. Ибо по мере того как человеческий дух все глубже проникает в природу, она непрерывно раскрывается дальше, а значит, перед наукой вырастают все новые задачи.

Благодаря научным исследованиям материального мира были познаны движущие силы развития не только того или иного отдельного предмета, но вообще всех вещей и явлений материального мира. Эти общие знания, синтезированные из громадного числа отдельных научных достижений, дают нам возможность объяснить

движущие силы, действующие в различных процессах развития.

Что же это за движущие силы?

Диалектический материализм усматривает движущую силу всякого развития в диалектическом противоречии, присущем всем вещам и явлениям. Это положение нуждается в дальнейших пояснениях. Обыкновенно, говоря о противоречии, подразумевают высказывание, которое прямо отрицает другое высказывание. Такое противоречие мы называем *логическим*. И наука с полным правом не допускает логического противоречия. Я не могу об одном и том же предмете в одном и том же отношении одновременно что-то утверждать и отрицать. Так, неверно говорить, что солнце в одном и том же месте в одно и то же время светит и не светит, что в одном и том же месте в одно и то же время стоит день и ночь и т. д. Но суть *диалектического* противоречия совсем в другом. Речь идет о противоречии в самих вещах.

В ответ нам кто-нибудь может сказать: «Я вижу вот там цветок, гвоздику. Она красная, я чувствую ее запах. Но внутреннего противоречия в ней я не могу разглядеть». При простом, поверхностном наблюдении мы действительно не можем открыть внутренних противоречий. Но если мы тщательнее исследуем вегетативные процессы в цветке или в любых других растениях, то столкнемся с взаимно противоположными процессами: формированием и распадом клеток, ростом и отмиранием.

Стало быть, когда мы берем растения в их движении, в их изменении, в их развитии, мы находим также их противоположные «стороны», открываем внутренне присущие им противоречия. Понятие «сторона» взято здесь в кавычки, поскольку оно употребляется для наглядности и его не следует принимать буквально. Различные области науки, да и наш собственный опыт, учат, что подобная внутренняя противоречивость нико-

им образом не ограничивается какой-нибудь одной областью материального мира.

Физики-атомники изучают взаимно противоположные силы атома: силы внутриядерного сцепления и силы, которые отталкивают частички ядра друг от друга. Эти силы обладают колоссальной энергией, которая может быть использована в атомных электростанциях.

Астрономы (ученые, изучающие звезды) открывают в бесчисленных светящихся солнцах различные «стороны», которые оказывают противоположное воздействие друг на друга. Например, есть направленная внутрь сила притяжения (гравитация) и действующее вовне давление звездного излучения.

Каждый физик, разрабатывая проблемы механики (наука о движении твердых тел), имеет дело с действием и противодействием, притяжением и отталкиванием, с положительными и отрицательными электрическими зарядами.

И наконец, разве мы не вынуждены на каждом шагу считаться с тем, что любая вещь имеет свою положительную и отрицательную сторону, что одно в них связано с прошлым, а другое указывает в будущее? Этому каждый день вновь и вновь учит нас жизненный опыт, опыт, который мы приобретаем и в наших внутренних переживаниях. Гёте вложил в уста Фауста слова: «...две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом». В поэтическом образе здесь выражен характер нашего сознания, нашего мышления, воли и чувств с их раздвоением на противоположные тенденции.

Если мы обратимся к обществоведению, то убедимся, что и здесь при исследовании всех явлений мы обнаруживаем в них противоположные «стороны», внутренние противоречия. Так, в общественном производстве существует противоречие между производительными силами и производственными отношениями. (Об этом

вопросе мы будем подробнее говорить дальше.) Во всех общественных системах, основанных на частной собственности на средства производства, где господствует эксплуатация человека человеком, общество расколото на классы, интересы которых несовместимы и сталкиваются между собой. В капиталистическом обществе рабочий класс и класс капиталистов образуют два главных класса, а борьба между ними определяет всю специфику данного общественного строя.

Число примеров, которые мы взяли из разных областей материального мира, можно было бы умножить. Но сколько бы примеров мы ни приводили, результат будет один. Раскол вещей и явлений на противоположные «стороны» присущ всему материальному миру. Всем предметам свойственны внутренние противоречия, которые мы открываем, рассматривая предметы в их развитии. Отсюда диалектический материализм делает принципиальный вывод о том, что противоречие имеет всеобщий характер, что во всех процессах развития вещей и явлений содержится противоречие, пронизывающее их от начала до конца.

Мы знаем, что предметы и явления окружающего нас мира известное время существуют, прежде чем погибнуть, прежде чем из них возникнут другие вещи. Они существуют во всей своей противоречивости как нечто единое — как цветок или животное, как звезда или планета, хотя их пронизывают внутренние противоречия. Каждая вещь — это единство противоположностей. Но мы знаем, что ни одна вещь не существует вечно. Все в нашем материальном мире имеет свое начало и свой конец. Цветы осенью увядают, животные, достигнув определенного возраста, умирают, угасшие звезды через миллиарды лет распадаются. Важнейшая причина того, что все вещи материального мира существуют лишь определенное время, состоит в их внутренней противоречивости.

Дело в том, что противоположные «стороны» в вещах находятся не в спокойном и безразличном отношении между собой. Они воздействуют друг на друга, непрерывно борются между собой. Например, процессы формирования и распада в растении протекают не в отрыве друг от друга, не без взаимного воздействия. Пока доминируют процессы формирования, растение развивается. Оно начинает увядать, как только перевес получают процессы распада. Оно гибнет и разлагается, когда процессы распада охватывают все растение, когда полностью исчезает другая «сторона» внутреннего противоречия, а значит, прекращает существовать и само внутреннее противоречие. Борьба противоположностей ведет к разрушению единства противоположностей. Но разрушение этого единства одновременно становится гибелью данной вещи.

Развитие — это борьба противоположностей

Все это мы наблюдаем и в общественном развитии. Капиталистическое общество расколото на классы, важнейшими из которых являются рабочий класс и класс капиталистов. Противоположные интересы названных классов сталкиваются между собой в ходе классовой борьбы, пока социалистическая революция не уничтожает господство капиталистов, буржуазии. Но вследствие этого гибнет и прежний общественный строй. На его месте начинает расти новый, социалистический строй.

Какие бы процессы развития мы ни исследовали, мы всегда сталкиваемся с тем же самым явлением: борьба противоположностей в вещах и явлениях материального мира через определенное время приводит к разрушению существующего единства, а вместе с тем и данной формы развития материи, данного качества вещи. Прежнее качество уничтожается и переходит в другое качество. В нем развиваются новые противоречия. Развитие продолжается без конца, ибо с каждым новым противоре-

чем начинается вновь и борьба. В. И. Ленин пишет: «Единство... противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹.

Борьба противоположностей впервые делает для нас понятным, что такое развитие. Противоборство между противоположными «сторонами» в вещах, между противоположными силами в них и противоположными направлениями развития как раз и есть живая и неисчерпаемая движущая сила, которая толкает развитие вперед. И поскольку эта борьба противоположностей непрерывно происходит во всех вещах и явлениях, все время возникают новые вещи, старое постоянно гибнет, освобождая место новому. Данное положение диалектического материализма Ленин резюмирует следующими словами: «Развитие есть «борьба» противоположностей»².

Если бы в вещах не было противоречия, борьбы противоположностей в них, то все вещи вечно оставались бы неизменными. Не было бы никакого развития.

Впрочем, не все философы-идеалисты, подобно Гегелю, принимают, что борьба противоположностей представляет собой внутреннюю движущую силу развития всех вещей. Однако при этом они вынуждены прибегать к предположениям такого рода, которые с научной точки зрения неприемлемы.

Что мы имеем в виду? В принципе существует лишь два возможных объяснения движения. Либо оно является самодвижением, вызываемым внутренними противоречиями, либо оно сообщается материи извне, неким духовным, божественным существом. Поэтому

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

² Там же.

идеалисты выдумывают сверхъестественные силы как источник естественного движения. Так, все религии считают бога творцом мира и развития в нем. Они объясняют это следующим образом. Повсюду, где что-нибудь движется, оно приводится в движение чем-то другим. Последнее опять-таки имеет источником своего движения нечто третье. Такая цепочка не может быть бесконечной. Следовательно, должен существовать перводвигатель (бог). Если бы никакого перводвигателя не было, то не существовало бы и, так сказать, «втородвигателя» и т. д., а значит, не существовало бы и движения. Однако движение налицо, следовательно, должен существовать и бог. Таково одно из доказательств бытия бога у Фомы Аквинского, схоласта XIII века, которое пускается в ход и в наши дни.

Почему же в логическом, научном смысле оно не является доказательством? Потому что оно, как и все доказательства бытия бога, с самого начала молчаливо предполагает то, что только еще должно быть доказано. Хотя его сторонники и признают, что сегодня мир находится в движении, но затем утверждается, что так было не всегда, что мир существует не вечно и не всегда находился в движении. Разумеется, если полагать, что мир и движение имеют начало, то у них должна быть и первопричина, то есть бог. Таким образом, «доказательство» основывается на тезисе, что сверхъестественный бог должен существовать, потому что мир (а это молчаливо предполагалось) не может быть вечным.

Данное «доказательство» бытия бога отрывает материю от движения, в то время как наука показывает нам, что материя и движение неразделимы. Наука не только говорит о том, что мир, какой он существует сегодня, находится в движении, но она с помощью закона сохранения массы и энергии неопровержимо доказывает, что хотя материя и движение существуют

в многообразных формах, но при этом они всегда лишь превращаются из одних форм в другие, никогда не возникая из ничего и не исчезая бесследно. Они несотворимы и неразрушимы. Данные естествознания показывают, что не существует материи без движения и движения без того, что движется. Они доказывают, что мир вечно был и всегда будет движущейся материей. Изобретатели «доказательств бытия бога» не в ладах с результатами естествознания.

Впрочем, суть дела станет еще яснее, если мы представим себе примерно такой разговор между сторонником марксистской философии, то есть диалектическим материалистом, и защитником существования бога.

Марксист. Откуда взялся бог, первоначальник?

Теолог. Бог ниоткуда не взялся, он существовал всегда!

Марксист. Но почему мир, который мы изучаем, который мы познаем, не может быть бесконечным, в то время как бог, о котором никто не может сказать ничего вразумительного, что можно было бы проверить, должен быть бесконечным?

Теолог. Потому, что мир несовершенен, а бог совершенен. Бог совершенен в любом отношении, он неподвижен и не подвержен никакому развитию.

Марксист. Но это же абсурдно в двойном отношении. Во-первых, до того, как бог привел мир в движение, мир был неподвижен. Коль скоро неподвижное совершенно, то некогда совершенный мир стал несовершенным только вследствие вмешательства бога.

Теолог. Вы забываете, что бог создал мир как раз одновременно с его движением.

Марксист. Но в таком случае как раз и получается, что материя и движение составляют единство. То же самое говорили и мы. Только вы утверждаете, что мир, материя и движение имели начало. Мы же оспариваем

это. И законы сохранения, открытые физикой, подтверждают нашу правоту. Однако я сказал уже, что ваши высказывания парадоксальны (абсурдны) в двояком смысле. Согласно вашему взгляду, бог является совершенно неподвижным. Но тогда каким образом он создал весь мир, да еще сообщил ему первотолчок, по-видимому довольно сильный? Как он сумел это сделать, оставаясь неподвижным? Это же чистая нелепость.

Здесь можно и закончить данный спор. Теология (то есть учение о боге) утверждает, как мы показали в первом разделе, что бог не имеет ни пространственной, ни временной протяженности. Такой бог представлял бы собой пространственное и временное ничто, лишенное движения. Подобное абсолютное ничто, естественно, не может быть творцом чего-либо, а тем более мира в целом.

Нематериальный (имматериальный), неподвижный перводвигатель, это самое настоящее ничто — оно-то и должно как всемогущий (абсолютный) дух или бог создать материю и движение? Но такое утверждение несовместимо с данными науки. В подобного бога можно только верить, но нельзя доказать его существование логическими, научными доводами.

Итак, при научном объяснении процессов становления и исчезновения в мире надо искать движущую силу развития в самом материальном мире. Движение следует понимать как самодвижение материи. Не существует сверхъестественных движущих сил. Изменение и развитие возможны лишь как раздвоение единого в результате борьбы противоположностей во всех вещах и явлениях.

На научность может претендовать лишь такое учение (теория), которое способно объяснить, где в самом материальном мире следует искать движущие силы развития. Иначе говоря, научна лишь такая теория

(учение), которая исходит из самодвижения и саморазвития материи. Всякая другая теория вынуждена искать движущие силы развития вне материи и вследствие этого желает она того или нет, становится на ненаучный путь. Это касается, например, всех теорий возникновения жизни на Земле, которые не согласны с тем, что движущие силы перехода от неживой к живой природе следует искать в естественных условиях земного существования. Такие теории должны исходить из каких-то таинственных «жизненных сил», о которых они не могут сказать, в чем они должны состоять. Или же эти теории предполагают существование сверхъестественного «творца» жизни на Земле. Научные теории возникновения жизни на Земле, например теория английского марксиста Д. Бернала или советского ученого А. И. Опарина, которые находят все большее признание среди ученых многих стран и отчасти уже получили экспериментальные подтверждения, исходят из того, что движущие силы перехода от неживой к живой природе существуют в самом материальном мире.

В полном согласии с наукой диалектический материализм утверждает положение о саморазвитии материального мира.

Вот мы и познакомились с еще одним всеобщим законом развития материального мира. В обобщенной форме его можно сформулировать так: все вещи, явления и процессы имеют противоречивые стороны и тенденции развития, которые постоянно борются между собой. Эта борьба противоположностей ведет к обострению противоречий, которые в конце концов разрешаются тем, что старое гибнет и возникает новое. В борьбе противоположностей состоит внутренняя движущая сила развития.

Закон диалектического противоречия (он называется также законом единства и борьбы противополож-

ностей), как и закон перехода количественных изменений в качественные,— общезначимый закон. Данному закону подчиняется весь материальный мир (и наше сознание). Знание этого закона, как и других законов диалектики, позволяет нам правильно понимать развитие вещей и явлений и воздействовать на него.

Не следует при этом забывать, что в различных вещах противоречия возникают и выражаются по-разному. Мы повсюду видим борьбу противоположных «сторон» в вещах, ускоряющую развитие, но эта борьба, скажем, при формировании и распаде клеток растений протекает совершенно по-другому, чем в процессах, определяющих экономическое развитие той или иной страны. Поэтому недостаточно знать закон единства и борьбы противоположностей лишь в общей форме. Надо изучать, как он действует в определенных условиях. Нужно познавать противоречия в вещах и явлениях в их конкретной форме. Каждое такое противоречие имеет свои особенности, которые надо учитывать, чтобы не допустить ошибок.

Скажем несколько слов о борьбе противоположностей в общественном развитии. В наше время, когда в человеческом обществе существуют классы с различными или противоположными интересами и стремлениями, очень важно точно знать особенности этих противоположностей.

Внутренние и внешние противоречия

Противоречия существуют не только в каждой вещи и в каждом явлении. Поскольку все в мире взаимосвязано, то существуют также противоречия между вещами и явлениями. Следовательно, существуют *внутренние* и *внешние* противоречия. Чтобы судить о том, что в данном случае является внутренним, а что внешним противоречием, следует в точности знать,

о какой вещи, о каком явлении идет речь. Например, решающим внутренним противоречием капитализма является противоречие между буржуазией и пролетариатом. В мировом масштабе сегодня решающее противоречие — это противоречие между капитализмом и социализмом. Данное положение не может изменить то обстоятельство, что в определенные исторические периоды особенно тяжелую, ожесточенную, героическую борьбу против сил мирового капитализма (империализма) ведут молодые освободившиеся государства. Эта борьба, как и социалистическое рабочее движение в развитых капиталистических странах, является антиимпериалистической борьбой, которая протекает в разных формах. Но как сильно она зависит от главного противоречия нашей эпохи, от противоречия между капитализмом и социализмом, показывает тот факт, что лишь после изменения сил на мировой арене в пользу социализма империалисты больше не решаются потопить в крови такое освободительное движение.

Диалектика показывает нам, что внутреннее противоречие в данных конкретных условиях является решающим. Конечно, и внешние противоположности оказывают свое влияние, которое может быть очень значительным. Однако сами по себе они не могут вызвать изменения вещей. Помощь извне, которая может быть оказана антиимпериалистическим силам какой-либо страны, не способна разрешить главных задач революции, так как развитие каждой страны *в конечном счете* предопределяется тем, как развиваются в ней внутренние классовые силы и классовая борьба.

Таким образом, решающее значение для развития имеют внутренние противоречия. Например, если между живым существом (организмом) и его средой вследствие изменения последней возникает внешнее противоречие, то данный организм либо приспосаб-

ливается к таким изменениям, либо погибает. Внешние воздействия, стало быть, оказывают пусковое, стимулирующее или тормозящее влияние. Однако такую роль они играют лишь в связи с соответствующими внутренними противоречиями.

Антиимпериалистическая борьба народов развивающихся стран оказывает позитивное влияние на империалистические «метрополии» лишь в той мере, в какой рабочий класс воспринимает это влияние и связывает его с собственными революционными действиями. Революция всегда порождается конкретными внутренними противоречиями. Ее невозможно экспортировать, подобно товару. Это означает также, что необходимая солидарность с молодыми освободившимися государствами, отстаивающими свою независимость, не должна быть понята так, будто именно там сейчас главное поприще *нашей*, коммунистов ФРГ, борьбы. Кто так думает, тот уходит от своих собственных главных задач. Мы помогаем себе и, например, народам Анголы гораздо больше, когда накапливаем силы, нужные нам в ФРГ для борьбы против реакционных кругов. Ибо «наши» собственные враги прогресса осуществляют неприкрытое вмешательство в дела народов Африки. Если мы победим их здесь, у себя, то они не смогут противодействовать и прогрессу в Африке.

Антагонистические и другие противоречия

Мы сталкиваемся с двумя существенно отличающимися друг от друга видами противоречий между классами. В ФРГ противоречия между интересами крупного капитала, аппаратом его господства, с одной стороны, и интересами прочих классов и слоев населения, с другой, являются принципиально непримиримыми (такие противоречия называют антагонистическими, от греческого слова *antagonisma*, что в переводе означает «спор», «борьба»). Ибо крупный капи-

тал в интересах собственного господства все более ограничивает демократические права трудящихся, проводит политику, направленную на изменение положения в Европе с помощью ядерного шантажа. Эта политика чревата опасностью смертоносной атомной войны, угрожающей самому существованию нашего народа. А народ, напротив, стремится к политике мира, взаимопонимания, к политике, гарантирующей социальную обеспеченность, демократизацию жизни. Невозможно вечно скрывать диаметрально противоположность этих интересов.

Такие противоречия, в которых выражается непримиримая и непреодолимая противоположность интересов и устремлений враждебных друг другу социальных сил и классов, мы называем антагонистическими противоречиями. Антагонистические противоречия с течением времени по большей части обостряются и ведут к ожесточенной борьбе между противоположными сторонами. Вместе с тем между классами и социальными слоями или силами возникают и такие противоречия, которым несвойственна непримиримая острота, которые не являются враждебными, антагонистическими. В подобных случаях то общее, что связывает, обуславливает обе «стороны» противоречия, играет большую роль, чем то, что их противопоставляет друг другу. При капитализме, а также при социализме такое противоречие существует, например, между рабочими и крестьянами. Особый характер отношений между ними обуславливается тем, что оба эти класса являются трудящимися классами народа, что оба они (хотя и по-разному) при капитализме эксплуатируются крупным капиталом.

Вместе с тем в отличие от рабочего класса крестьянство представляет собой класс, обладающий средствами производства, хотя собственность крестьян, как правило, является незначительной. И все-таки на этом

различии, а также на несходном характере труда в городе и деревне как раз и основывается противоречие между рабочими и крестьянами. Однако это противоречие намного слабее, нежели общая заинтересованность рабочих и крестьян в том, чтобы защитить себя от давления больших концернов, от ограбления крупными заводчиками и банкирами. Точно так же и те и другие заинтересованы в сохранении мира, так как ни рабочие, ни крестьяне не принадлежат к социальным силам, которые могут нажиться на войне. Война приносит им лишь жертвы и смерть.

На практике это означает, что антагонистические противоречия могут быть разрешены лишь в борьбе классов, что освобождение трудящихся классов невозможно без преодоления капитализма и устранения капиталистической собственности на решающие средства производства. А неантагонистические противоречия могут быть разрешены путем их постепенного сглаживания и устранения. Но и в процессе их преодоления все дело состоит в том, чтобы старое заменить новым. Главное средство здесь — терпеливое убеждение на основе положительного примера и убедительных доказательств.

Есть еще и другие причины, побуждающие нас детально исследовать противоречия. Нельзя представлять себе дело таким образом, будто любая вещь — это единство только пары противоположных «сторон». При капитализме существует не только противоположность между трудом и капиталом, но также противоречие между крестьянами, ремесленниками, интеллигенцией, с одной стороны, и капиталом — с другой, между этими социальными слоями и рабочим классом и т. д. Равноценны ли все эти противоречия? Одинаковое ли влияние оказывают они на происходящие процессы? Какое из них является определяющим, главным противоречием?

Известно, что при капитализме таковым является противоречие между рабочими и капиталистами. Это значит, что рабочий класс может заключить с другими общественными силами важные политические союзы. Более того, для современного капитализма характерно то, что в конечном счете немногочисленные предприятия, господствующие в сфере производства и обмена (их мы называем *монополиями*), держат в своих руках и политическую власть. Следовательно, в некоторых пунктах могут возникнуть противоречия между монополистическим капиталом и прочими капиталистами. Конечно, очень важно использовать такие противоречия в борьбе против власти крупных боссов. Германская коммунистическая партия, организация «Социалистическая немецкая рабочая молодежь» и марксистский студенческий союз «Спартак» считают такую политику правильной. «Левые» критики ругают их за это. Они считают признаком особого ума действовать по принципу «Чем больше врагов, тем больше чести!» А то, что в результате борьба становится для трудящихся более тяжелой, не беспокоит бахвалов от революции.

Учение о диалектическом противоречии, о котором шла речь в данном разделе, занимает чрезвычайно важное место в марксизме. В. И. Ленин назвал его «ядром» марксистской диалектики, ключом к пониманию всех сторон и моментов развития.

4. Важнейшие диалектические категории

Вот мы и подошли к следующему пункту, к так называемым *категориям*. Эта область философского исследования пока еще не вполне удовлетворительно разработана в марксизме. И тем не менее ясно, что диалектику совершенно недостаточно представлять себе

только в виде некоторого каркаса, составленного из трех ее основных законов. Нам не следует превращать ее в косную схему. И когда мы в данном разделе будем рассматривать диалектические категории (что это такое, мы объясним позже), то речь пойдет только о примерах, хотя и имеющих основополагающее значение. На самом же деле существует гораздо больше таких диалектически взаимосвязанных категорий.

Слово «категория» происходит из греческого языка. Буквальный его перевод не совпадает с принятым в философии значением этого понятия.

Возьмем, например, общее понятие «цвет» и слова, обозначающие отдельные цвета,— «красный», «желтый» и т. д. Или возьмем общее понятие «фрукты» и такие термины, которые обозначают отдельные виды фруктов, скажем «яблоки» и «груши». Эти понятия и термины находятся между собой в отношении общего и особенного. Точно так же существуют понятия, которыми в отличие от понятий, относящихся к особым вещам, обозначают всеобщие и существенные явления или взаимосвязи природы, общества и мышления. Среди этих всеобщих понятий имеются в свою очередь понятия совершенно особого рода. Так, вышеназванное понятие «цвет» представляет собой общее понятие по отношению к отдельным цветам, и таких общих понятий существует очень много. Мы взяли примеры с «цветом» или «фруктами» лишь как отправные, чтобы подвести к главной мысли: философские категории (основные понятия) суть понятия всеобщие.

Существуют понятия, которые как-то связаны со *всеми* вещами и явлениями. Например, не все имеет цвет. Аккорд, который я беру на гитаре, не имеет цвета. Таким образом, цвет не всеобщее понятие, имеющее такую значимость, что оно связано со всеми вещами и явлениями. Однако возьмем теперь понятие

причины и следствия. Нет ничего в мире, что не имело бы причины и что не было бы следствием. Или же возьмем понятие сущности. Явление «аккорд» — это звук, который мы слышим, но сущность данного явления — колебания струн гитары. Не бывает вещей, к которым нельзя было бы приложить пару понятий — сущность и явление.

Другими словами, существуют такие общие понятия, которые связаны со всеми вещами и явлениями, которые имеют еще более общий характер, чем понятия «цвет», «фрукты» и т. д. Когда мы ведем речь о категориях, то подразумеваем именно такие действительно всеохватывающие, всеобщие понятия. Это основные понятия, с помощью которых мы приобщаемся к определяющим в мировоззренческом плане проблемам: материя или идея, знание или незнание, движение или покой. Именно поэтому столь важно правильное понимание значения и действительного соотношения того, что обозначается понятием «категория».

Противоречивость (диалектика) действительности выражается в целом ряде взаимосвязанных и соотносительных основных понятий (категорий). В качестве примера можно назвать *сущность* и *явление*, *содержание* и *форму*, *причину* и *следствие*, *необходимость* и *случайность*, *необходимость* и *свободу*, *возможность* и *действительность*. Каково же взаимное соотношение таких основных понятий? Это нам покажет более обстоятельное изложение.

Сущность и явление

При рассмотрении вещей, отношений и процессов в природе и обществе мы должны различать сущность и явление. Сущность вещей не обнаруживается непосредственно, она скрыта за их внешними проявлениями. Например, мы не воспринимаем вращения Земли в его сущности, а «видим» ежедневное обращение

Солнца вокруг Земли с его восхода на востоке до его заката на западе. Или другой пример. Без телескопа Солнце кажется людям по величине не большим, чем футбольный мяч. А вот еще один пример. При капитализме заработная плата кажется платой за весь труд, проделанный за определенный период, тогда как, по сути дела, рабочий получает в качестве зарплаты лишь часть созданной им за этот срок стоимости. Другая часть остается капиталисту как прибыль.

Куда бы мы ни обратились, повсюду мы видим, что сущность и явление вещей и процессов не совпадают между собой. «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали,— говорит К. Маркс,— то всякая наука была бы излишня...»¹

Однако сущность и явление не разделены между собой непреодолимой пропастью. В явлениях всегда выражена сущность вещи. Только поэтому мы способны, начиная изучать явления, сравнивая, отыскивая взаимосвязи и т. д., дойти до их ядра, сущности, то есть в конце концов узнать, что вращается именно Земля и поэтому возникает впечатление движения Солнца вокруг Земли. Итак, отношение между сущностью и явлением диалектично. Оно противоречиво в том смысле, что хотя категории сущности и явления соотносятся между собой, но одновременно они отличны друг от друга. Следовательно, мы не имеем права отождествлять сущность чего-либо с ее проявлениями.

Возьмем такой пример. В ФРГ большая часть рабочих все еще не критично относится к капитализму. Можно ли поэтому сказать: «Рабочие уже больше не революционны?» В таком случае историческая роль рабочего класса (сущность) была бы смешана с обыденным сознанием рабочих (явление). Но было бы не менее ложным, если бы мы отрывали сущность от явления,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 384.

например обособляли сущность. Это произошло бы в том случае, если бы мы полагались лишь на историческую роль рабочего класса, недооценивая конкретное состояние сознания рабочих. Правильное решение данной проблемы предполагает признание противоречивого единства сущности и явления. Точно так же обстоит дело и с соотношением всех диалектических категорий: они находятся между собой в отношении как противоположности, так и единства, так что категория не может существовать без своей диалектической противоположности. Но в этом единстве они одновременно и противостоят друг другу.

Содержание и форма

Эти основные отношения всякого бытия и становления тоже диалектически связаны между собой. Нигде не бывает содержания без формы или формы без содержания. Так, содержание общественного производства определяется наличными производительными силами (инструментами, техникой и трудовым опытом, знаниями — стало быть, прежде всего людьми), в то время как его формой являются производственные отношения, отношения собственности. Приведенный пример (к нему мы еще вернемся в следующем разделе) показывает, в каком отношении друг к другу находятся форма и содержание.

В процессе производства люди умножают свои производительные силы, они учатся, улучшают свои орудия труда. Все это начинает изменяться. В результате в конце концов возникает противоречие между содержанием (производительными силами) и формой (производственными отношениями), которое препятствует дальнейшему развитию производительных сил. Первоначально, когда капитализм вытеснял феодализм, капиталистические производственные отношения соответствовали новым, растущим производительным силам,

были формой, содействующей их совершенствованию. Но в дальнейшем с развитием производительных сил капитализм впал в аналогичное противоречие: капиталистические производственные отношения стали слишком узкими для современных производительных сил. В качестве примера можно назвать атомную энергию, микропроцессы, достижения современной химии, которые становятся проклятием, когда применяются капиталистами. Они должны быть поставлены на службу народу, а это возможно лишь при социализме.

Таким образом, мы опять имеем дело с диалектическим отношением. Содержание и форма образуют противоречивое единство. При этом содержание является определяющей стороной данного отношения. Но и форма не представляет собой что-то пассивное. Ибо она способна оказывать стимулирующее или тормозящее воздействие на содержание. Данное противоречивое единство в процессе развития, определяемого его содержанием, взрывается революцией и сменяется новым противоречивым единством содержания и формы.

Здесь следует опять предостеречь от ошибки, связанной с обособлением и противопоставлением пары противоположностей. Подобную ошибку совершают, например, те реакционные силы, которые цепляются за формальную сторону буржуазного общественного строя. Существуют десятки проектов «реформ», которые должны сохранить его форму — капиталистическую собственность. Надо только немножко «трансформировать» ее в направлении «социального партнерства», «народного капитализма» и т. д. Тем самым должно быть предотвращено разрушение самого содержания буржуазного общества, создание необходимого нового единства содержания и формы, социалистического общественного строя.

В области искусства попытки поставить форму над содержанием часто приводят к тому, что многие не замечают антигуманного содержания, если оно воплощено в «совершенную форму».

И в том случае, когда ведутся дискуссии о «революционном» или «ревизионистском» характере форм борьбы «как таковых», независимо от их содержания (то есть о Советах «как таковых», парламентской системе «как таковой», соучастии в управлении «как таковом»), форма отрывается от содержания, то есть применяется антидиалектический метод исследования и рассуждения.

Причина и следствие

Ничто не существует без причины, в силу которой оно существует. Все вещи и явления представляют собой следствия определенных причин и причинно связаны с другими вещами и явлениями. Поэтому отношение «причина — следствие» (каузальность) следует рассматривать как существенный способ реализации всеобщей взаимосвязи вещей и явлений. Между причиной и следствием наличествует определенная взаимосвязь. При одинаковых условиях определенные причины всегда вызывают одинаковые, определенные следствия. Очень важно обратить здесь внимание на слова «при одинаковых условиях». Если, например, сильно изменяется атмосферное давление, то изменяется также и температура, при которой закипает вода. Применение современной техники при капитализме имеет другие последствия для рабочих, чем при социализме, так как совершенно различными являются социальные условия ее применения.

Далее, следует проводить различие между главными и побочными причинами или между опосредствованными и непосредственными причинами. Приход нацистов к власти в 1933 году прежде всего объясняется

тем, что не было достигнуто единства действий в общей борьбе рабочего класса. Разобщенность в немецком рабочем движении была вызвана — и здесь мы имеем перед собой главную причину — антикоммунизмом социал-демократических партийных и профсоюзных вождей. Побочными же причинами были политические ошибки, допущенные тогда КППГ. На политику КППГ, в свою очередь, как опосредствованная причина оказывал воздействие тот факт, что Веймарская республика возникла в борьбе против Ноябрьской революции в Германии и была обагрена кровью Карла Либкнехта и Розы Люксембург, тысяч лучших работников и рабочих.

Но и здесь было бы неверно противопоставлять друг другу причину и следствие. Каждая причина бывает следствием других причин, всякое следствие, в свою очередь, есть причина другого следствия. То, что в одном отношении представляет собой причину, в другом отношении является следствием. Причина и следствие могут даже превращаться друг в друга. Если бы мы провели всеохватывающее исследование бесконечного многообразия мира, его вещей, его явлений и процессов с точки зрения отношения между причиной и следствием, то мы поднялись бы до познания всеобщего взаимодействия, в рамках которого отношение «причина — следствие» (каузальность) является лишь одной из разновидностей всесторонней диалектической взаимосвязи, которую лишь условно можно выделить из последней.

Эта концепция стоит в прямой противоположности к религиозным телеологическим или финалистским («телос» — цель, «финис» — конец) воззрениям. Религия исходит из того, что во всякой причине кроется цель, что всякая причина ведет к определенной цели. Следовательно, должна существовать первая, целеполагающая сила и конечная цель ми-

рового процесса. Тем и другим для нее является бог.

Подобные воззрения сложились в результате того, что целеполагающая человеческая деятельность была перенесена на природные процессы для их объяснения. Телеология в области биологии (науки о живых существах) была опровергнута дарвиновской теорией происхождения видов. Применительно же к неживой природе телеология сегодня уже не отстаивается даже богословами (теологами). А в социальной области она оказывается несостоятельной уже потому, что не способна объяснить «цель зла» в человеческой и общественной жизни. Для чего всемогущий и всеблагий бог создал или допустил «зло»? Почему существовали Освенцим, Хиросима и Вьетнам? Что это за бог, который допускает такие вещи? Здесь мы совершенно отвлекаемся от того обстоятельства, что наличие перводвигателя, первого формотворца, первого целеполагателя и т. д., то есть бога, доказать невозможно.

Необходимость и случайность

Необходимость и случайность также представляют собой соотносительные категории, обозначающие существенные взаимосвязи между вещами и явлениями. Мир — это не бесформенная груда разрозненных вещей и явлений. Напротив, между ними существуют необходимые взаимосвязи. Все, что существует, порождается соответствующими причинами и постольку наступает с необходимостью. Но нельзя просто перевернуть этот правильный тезис. Из того факта, что все существующее имеет причину, не следует, что все является необходимым. Фашизм имел причины, но он не был необходимым. Фашизма можно было избежать.

При оценке отношения необходимости и случайности совершаются две ошибки. Первая состоит в обо-

соблениии случайности. Эта ошибка допускается тогда, когда отрицаают общую взаимосвязь между вещами и явлениями: все, мол, существует само собой и исходя из себя самого, без всякого основания и причин.

Но такое утверждение противоречит всем нашим знаниям о вещах и явлениях в природе и обществе. Если бы что-нибудь произошло без причины, то свершилось бы чудо. Правда, немало людей верит в чудеса, но наука не признает чудес и стремится познать причины и следствия всех явлений и вещей, которыми она занимается. Несколько сложным для усвоения, но правильным является следующее рассуждение. Между тем, что не стоит ни в каком отношении друг с другом, не существует и никакой взаимосвязи практического или познавательного рода. Следовательно, о вещах и явлениях, которые ни с чем не связаны, существуют лишь сами по себе, мы не можем и ничего узнать, ибо они никак не связаны с нами.

Вторая ошибка состоит в том, что признается только «железная необходимость». Ф. Энгельс метко опровергает подобный взгляд: «Согласно этому воззрению, в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию, что этот цветок клевера был оплодотворен в этом году пчелой, а тот — не был, и притом этой определенной пчелой и в это определенное время, что это определенное, унесенное ветром семя одуванчика взошло, а другое — не взошло, что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру,— все это факты, вызванные не подлежащим изменению сцеплением причин и следствий, незыблемой необходимостью, и притом так, что уже газовый шар, из которого произошла солнечная система, был устроен таким образом, что эти

события должны были случиться именно так, а не иначе. С необходимостью этого рода мы тоже еще не выходим за пределы теологического взгляда на природу. Для науки почти безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божьим, или, вместе с турками, кismetом, или же необходимостью. Ни в одном из этих случаев нет и речи о прослеживании причинной цепи. Поэтому как в том, так и в другом случае мы ничуть не становимся умнее. Так называемая необходимость остается пустой фразой, а вместе с этим и случай остается тем, чем он был. До тех пор, пока мы не можем показать, от чего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным; а оттого, что нам скажут, что этот факт предусмотрен уже в первоначальном устройстве солнечной системы, мы ни на шаг не подвинемся дальше. Более того: такая наука, которая взялась бы проследить случай с этим отдельным стручком в его каузальном сцеплении со все более отдаленными причинами, была бы уже не наукой, а простой игрой; ибо этот самый стручок имеет еще бесчисленные другие индивидуальные свойства, являющиеся случайными: оттенок цвета, толщину и твердость оболочки, величину горошин, не говоря уже об индивидуальных особенностях, доступных только микроскопу. Таким образом, с одним этим стручком нам пришлось бы проследить уже больше каузальных связей, чем сколько их могли бы изучить все ботаники на свете.

Таким образом, случайность не объясняется здесь из необходимости; скорее, наоборот, необходимость низводится до порождения голой случайности. Если тот факт, что определенный стручок включает в себе шесть горошин, а не пять или семь, представляет собой явление того же порядка, как закон движения солнечной системы или закон превращения энергии, то на деле не случайность поднимается до уровня необходимости,

а необходимость снижается до уровня случайности. Более того. Можно сколько угодно утверждать, что многообразие существующих бок о бок *на* определенной территории органических и неорганических видов и индивидов покоится на нерушимой необходимости,— для отдельных видов и индивидов оно остается тем, чем было, т. е. случайным. Для отдельного животного случайно, где оно родилось, какую среду оно находит вокруг себя для жизни, какие враги и сколько именно врагов угрожают ему. Для материнского растения случайно, куда ветер разносит его семена, для дочернего растения случайно, где находит себе почву для прорастания то зерно, из которого оно вырастает, и уверение, что и здесь все покоится на нерушимой необходимости, является очень жалким утешением. Пестрое скопление различнейших предметов природы в какой-нибудь определенной местности или даже на всей Земле остается, при всей извечной, первичной детерминированности его, все же таким, каким оно было, — случайным»¹.

Короче говоря, единственно правильное понимание отношения между необходимостью и случайностью состоит в признании их диалектического единства.

Необходимость и свобода

И эти две фундаментальные категории нельзя не-диалектически противопоставлять друг другу. Ввиду разнообразных злоупотреблений словом «свобода» особенно необходимо внести ясность в вопрос о ней.

Что такое свобода, если рассматривать ее независимо от всех наших «возвышенных чувств»? Состоит ли свобода в том, чтобы делать и позволять себе все, что угодно? Однако ни один человек не может летать только потому, что он этого хочет. При строительстве

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 533-535.

самолетов надо знать и учитывать определенные законы, иначе можно брякнуться оземь, как тот портной из Ульма, который прыгнул вниз с колокольни. Нет, свобода есть нечто другое: она является нашей способностью осуществить то, что мы предприняли (запланировали). Могли бы мы что-нибудь планировать, если бы в поведении вещей и явлений царила неразбериха и не было бы никакой регулярности и закономерности? Конечно, нет. Следовательно, свобода связана с наличием и познанием объективных законов. Это познание в значительной степени обусловлено социально. В частности, хотя бы тем, что средства познания (школа, другие образовательные учреждения и т. д.) находятся в ФРГ в подчинении у капиталистического государства. Поэтому знания преподносятся учащимся в тусклом свете желательных для буржуазии представлений.

Но существует и другое широко распространенное недоразумение относительно понимания свободы. Немало людей думают, что свобода означает возможность делать все, что захочешь. Отвлечемся сейчас от того, что мы уже объяснили выше, а именно что в моих желаниях и действиях я свободен (например, достигаю желательной цели) лишь тогда, когда я хорошо знаю и учитываю важнейшие условия (законы), нужные для осуществления моей цели. Сейчас речь идет о другом условии свободы. Чтобы делать и позволять себе то, что хочешь, надо располагать экономической и политической властью. Эту мысль можно выразить еще более просто, наглядно: чтобы делать и позволять себе все, что угодно, надо быть миллионером. А если ты не миллионер, то ты не можешь делать и позволять себе все, что угодно, то есть не ты свободен, а миллионеры делают с тобой все, что *им* угодно, что *они* хотят. Таким образом, если отказаться от точки зрения отдельного человека и взять в качестве масштаба для на-

шего суждения весь трудящийся народ, то мы можем сказать: пока миллионеры, точнее, капиталисты имеют в своей собственности источники человеческого существования — землю, фабрики, рабочие места, трудящийся народ не может быть действительно свободным. Народная собственность на важнейшие средства производства, то есть социализм, является, следовательно, важнейшим социальным условием свободы народа.

Тем самым мы никоим образом не хотим преуменьшать значение тех демократических свобод, которые трудящиеся массы вырвали у господствующих классов в ходе своей борьбы: свободы объединяться в союзы, свободы иметь и выражать свое мнение и т. д. Напротив, мы должны делать все, чтобы помешать ограничению этих свобод со стороны власть имущих. Германская коммунистическая партия, организация «Социалистическая немецкая рабочая молодежь» и марксистский студенческий союз «Спартак» стоят в первых рядах борцов против контроля за мыслями, против запретов на профессии, против травли профсоюзов предпринимателями. Кроме того, нам не следует забывать, что названные здесь права в большей мере остаются на бумаге, чем воплощаются в действительность.

Борьба за свободу народа, за условия свободной жизни необходима по многим социальным причинам. Вся человеческая деятельность зависит от природных и общественных законов, а вследствие этого подчиняется необходимости. Но в деятельности заключается и свобода, если эта деятельность опирается на действующие независимо от нашей воли законы (то есть на объективные законы), если они сознательно применяются для совершенствования человеческой жизни. «Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы господства над нами самими

и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития»¹, — писал Ф. Энгельс.

И здесь снова возможны две ошибки. Одна возникает, когда мы отделяем свободу от необходимости. Эта ошибка основана на ложной вере в то, будто мы способны изменить мир без учета его объективных законов, то есть произвольно.

Другая ошибка допускается тогда, когда человека рассматривают как безвольную игрушку слепых природных законов. Но сущность общественных законов в том и состоит, что они возникают и осуществляются лишь благодаря деятельности людей. Таким образом, без человеческой активности не существует ни общественной необходимости, ни свободы.

Возможность и действительность

В ходе развития новое сначала коренится в старом только как возможность. И лишь когда складываются определенные, необходимые условия, такая возможность осуществляется. Такую осуществимую (реальную) возможность следует отличать от формальной, выдуманной возможности. Выдуманная, чисто формальная возможность не имеет под собой действительной основы. Например, некоторые из социалистов-утопистов верили в возможность достижения социализма без классовой борьбы. Они рассчитывали на возможность убедить государей и богатых людей в превосходстве социализма, а затем осуществить его с их помощью. Но такая возможность не имела под собой почвы в действительных экономических отношениях, она не была реальной. Возможность является реальной, когда она опирается на объективные, от нашей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

воли и знания независимые основания, то есть когда имеются объективные предпосылки для ее осуществления.

Итак, возможность и действительность тоже диалектически связаны между собой. Но обе эти категории нужно тщательно отличать одну от другой. В условиях данной действительности имеются разные возможности. Например, живое существо после изменения окружающей среды может так или иначе измениться. В историческом процессе в определенной степени от ума и деятельности людей зависит, какая из возможностей осуществится. Ни одна из них не реализуется в ходе исторического развития сама собой. Хотя капитализм несет в себе возможность своего преобразования в социализм, это превращение совершается не самотеком, а благодаря сознательным действиям людей. Марксистская философия, диалектический и исторический материализм, подчеркивает большую роль деятельности людей при превращении реальных возможностей в действительность.

Материалистическая диалектика требует не только того, чтобы мы открывали реальные возможности, но чтобы мы решительно боролись за победу нового, против всех негативных, реакционных возможностей. В современных условиях существует реальная возможность сохранения мира на нашей планете, мирного сосуществования стран с различным социальным строем. Но пока существует империализм, мы не должны недооценивать также реальной возможности развязывания новой, ужасной, опустошительной мировой войны и вытекающей отсюда задачи борьбы за мир. Осуществление той или другой из этих возможностей зависит от деятельности людей. Во власти народов не допустить третьей мировой войны, обеспечить прочный мир.

5. О значении диалектики в практическом поведении

Диалектикой занимаются не для собственного удовольствия, а по необходимости, для того, чтобы мы в наших действиях могли руководствоваться правильно познанными законами движения и развития. Диалектика требует от нас неукоснительно следовать определенным правилам поведения.

Приведем некоторые примеры.

Если верно то, что все вещи и явления связаны между собой, тогда справедлив и следующий тезис: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления»¹.

Подходить к вещам с точки зрения «прекрасных», отвлеченных представлений, дорогих нашему сердцу, но чуждых жизни,— дело бесполезное. Необходимо максимально точно изучить данные действительные отношения. При этом мы должны стараться понять каждое явление по возможности всесторонне и в его развитии, должны стремиться к тому, чтобы выявить решающие отношения: «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи»².

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 42, с. 290.

² Там же, т. 36, с. 205.

Марксист обязан и в исследовании и в практическом поведении стоять на исторической точке зрения: существующее не останется таким, каково оно есть. Решающее значение имеет не то, что существует и кажется незыблемым, а то новое, что развивается в лоне существующего. Вот этого нового и надо держаться, даже если оно пока еще слабо.

Поскольку сущностью общественного развития является борьба противоположностей во всех вещах и явлениях, было бы неверно видеть в таких противоположностях, противоречиях беду. Самое интересное в противоречиях — их разрешение. Это разрешение достигается не благодаря разглагольствованию о классовом мире, не благодаря отказу от принципов, а благодаря классовой борьбе. При этом для марксиста самое главное — заниматься внутренними противоречиями, а не восхищаться сражениями, которые происходят вне его собственной арены борьбы, не надеяться на «импорт» революции, а вести борьбу в собственной стране. Далее, марксисту не подобает относиться «нейтрально» к «паре противоположностей» (например, к капиталистам и рабочему классу), он обязан принимать сторону прогрессивной в данных исторических условиях социальной силы. Сегодня ею является рабочий класс, его партия.

Итоги

Мы познакомились с важнейшими закономерностями движения и развития. Три закона, отражающих самые существенные стороны развития материального мира, называют основными законами марксистской материалистической диалектики. Эти законы — закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания и закон единства и борьбы противоположностей — тесно связаны между собой,

поскольку каждый из них проясняет процесс развития с одной определенной стороны. Лишь в целях изложения материала мы вводили их поочередно. В действительности же они всегда выступают в тесной взаимосвязи. Все эти законы вместе дают наиболее всеохватывающее и глубоко научное объяснение развития вещей и явлений нашего материального мира.

Материалистическая диалектика — самое всеохватывающее и содержательное учение о развитии. Маркс, Энгельс и Ленин связали его с философским материализмом. Диалектика имеет предметом своего изучения основные законы движения, то есть способа существования материи (природы, общества и мышления). Вместе с философским материализмом диалектика образует единое философское учение марксизма. В рамках этого учения марксистский философский материализм занимается прежде всего проблемой отношения материи и сознания, проблемой материи и материального единства мира.

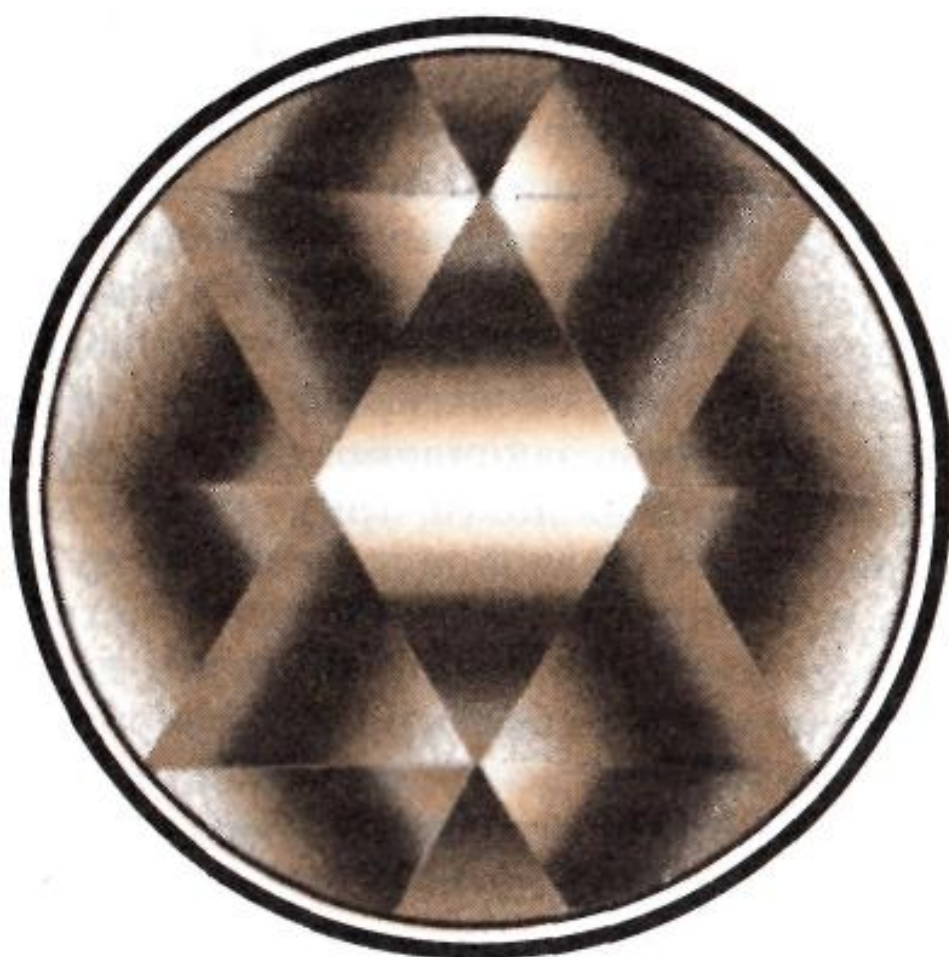
Материалистическая диалектика же исследует прежде всего всеобщие взаимосвязи и закономерности движения и развития в природе и человеческом обществе, а также отражение этих взаимосвязей и закономерностей в мышлении человека.

Для науки и для практического мышления чрезвычайно важно знание основных законов диалектики. Когда человек знает, как происходит развитие и какие движущие силы в нем действуют, он знает и то, как надо исследовать развивающуюся действительность, чтобы приближаться к правильным или по крайней мере достаточно правильным результатам и выводам.

Конечно, при этом недостаточно знать только основные законы диалектики, ибо они не заменяют точного знания всех частных проблем и противоположностей с их различными сторонами. Тот, кто подходит диалектически ко всем проблемам, тот в принципе подходит

к ним верно, и уже это большое преимущество в сравнении с неуверенными и осторожными поисками и нащупыванием правильного пути. Подходить к вещам диалектически — значит рассматривать их всесторонне, в их движении и развитии, в их взаимосвязи и взаимных переходах; это значит открывать в них противоречия и выяснять, куда ведет разрешение этих противоречий; это значит вовремя распознавать новое в вещах и явлениях и отличать его от старого, отмирающего.

Совершенно неправильно было бы видеть в материалистической диалектике нечто вроде волшебного слова, которое действует само собой и делает излишним самостоятельное мышление. Тот, кто считает возможным использовать основные законы диалектики как какую-то волшебную палочку, чтобы соизмерять с ними действительность и приводить ее в порядок с их помощью, как с помощью измерительной линейки, тот безусловно становится на неверный путь. Насколько многогранен и многолик мир — настолько же многообразно действуют в нем основные законы диалектики, которые мы рассматривали. Поэтому материалистическая диалектика служит лишь тому, кто умеет применять ее творчески.



Кто делает историю?

Если мы окинем взглядом историю, то перед нами предстанет сбивающее с толку многообразие народов, государств и личностей, вовлеченных в безостановочную череду событий. Движение, изменение, отмирание одних государств или классов, расцвет других — это и есть история.

Издавна продолжается спор о том, есть ли закономерность в истории, во всех этих изменениях и движениях, или же здесь царит слепая случайность.

Почему мы изучаем этот вопрос?

Почему, однако, спорят об этом? Для чего важно знать, существуют ли законы истории, и если да, то можно ли их познать? Да потому, что если бы не было исторических законов или если бы они были неисповедимыми, то невозможной была бы и наука о человеческом обществе, ибо в основе своей наука есть не что иное, как исследование закономерных взаимосвязей и процессов в некоторой области природы, общества или сознания. Знание этих законов позволяет предсказать, что наступит при определенных обстоятельствах с учетом действия законов. Лишь потому, что существуют познаваемые социальные законы, мы способны ставить достижимые общественные цели. Лишь поэтому возможна планомерная деятельность, и люди в силах осуществлять то, что они предпринимают, сообразуясь с действием этих законов.

Людям довольно долго казалось, что в истории царит всесильный случай, что судьба целых государств и народов зависит от того, выиграет ли «случайно» битву та или иная армия, поставит ли «случайность рождения» или другого рода «случайности» во главе государства дельных или никудышных людей, от того, стали ли они по воле «случая» властолюбивыми, воинственными или же миролюбивыми, мудрыми и справедливыми, от того, к добрым или к плохим делам побуждали их ближние.

Точку зрения, согласно которой в истории не существует и не может быть законов, питает также тот факт, что между природой и человеческим обществом имеется большое различие. Ни один разумный человек не станет сомневаться в том, что в природе все происходит закономерно. Если я посеял пшеницу, то и соберу пшеницу, а не свеклу. Но в природе действуют лишь слепые, бессознательные силы. Вода, которая подрывает гору и про-

бывает себе русло, ничего не «хочет», а просто-напросто «следует» закону тяжести. Иное дело в обществе. Люди сами делают свою историю и при этом, разумеется, о чем-то думают, чего-то желают, к чему-то стремятся. Каждое отдельное человеческое действие совершается на основе подобных духовных побуждений, которых нет в природе. Таким образом, человеческое сознание воздействует на формирование человеческого общества. Кто же будет оспаривать, что люди при этом действуют в соответствии с различными интересами, побуждаемые несхожими духовными и нравственными мотивами?

Рабочие хотят получить большую долю от общественного «пирога», сократить рабочее время, более широко участвовать в управлении делами государства и общества. Предприниматели же стремятся помешать им в этом. Как в таком столкновении противодействующих сил должны установиться порядок и закономерность?

Противники марксизма спрашивают: если в истории все действительно происходит закономерно и социализм закономерно сменяет капитализм, как утверждаете вы, марксисты, для чего же вы тогда организуете и ведете политическую борьбу? Никому не придет в голову создавать партию для проведения закономерно наступающего лунного затмения и бороться за него. Оно происходит, хотим мы того или нет. Коль скоро социализм должен наступить в соответствии с историческими законами, он придет, хотите вы того или не хотите, и наоборот. Ваши политические усилия не имеют в таком случае никакого значения!

Марксизм никогда не игнорировал того факта, что есть большая разница между тем, как осуществляются законы в природе и как в истории человеческого общества. Природные процессы протекают слепо, без человеческого участия. Но общество — это особый, чело-

веческий мир. Оно возникает только благодаря деятельности людей. Из этой деятельности проистекают общественные законы. Они реализуются лишь благодаря этой деятельности. Люди сами делают свою историю, но, разумеется, в условиях, которые отнюдь не выбираются ими. Люди вырастают при определенных природных и общественных отношениях, включаются в них и испытывают их воздействие в своей деятельности. При этом побудительные причины их деятельности играют существенную роль. Ложное сознание вызывает ложные действия, направленные против собственных интересов людей.

Так, миллионы немцев действовали, руководствуясь ложным сознанием, когда они в 1932 и 1933 годах голосовали за Гитлера. Но этот выбор против исторического прогресса жестоко за себя отомстил. Аналогично обстоит дело и с другим вопросом: антигуманный характер капиталистической общественной системы ставит человечество перед угрозой атомной войны. Именно поэтому борьба за сознание людей, за их боевую политическую организацию приобретает решающее значение в общественной деятельности, опирающейся на знание исторических законов.

Как доказать существование исторических законов и тенденций развития?

Тем, кто привержен идеалистическому образу мысли, трудно бывает доказать действие законов в человеческом обществе и его истории. Эти люди не могут представить себе, что наши произвольные действия должны складываться в законы. Но, наверное, они признают вместе с нами тот факт, что дистанция между человеком и его обезьяноподобными предками в ходе истории становилась все большей. Наверное, они согласятся, что власть человека над природой умножает-

ся, что все более эффективной становится его техника. Читая описания жизни людей в прежние времена, когда они еще не умели эффективно бороться с холодом, эпидемиями и другими бедствиями, сравнивая ее с нашей сегодняшней жизнью, мы замечаем пусть трудное, осуществляющееся в непрерывных бо- рениях, но тем не менее неоспоримое движение человечества вперед.

В истории, при всех колебаниях ее отдельных изменений, прокладывает себе дорогу некоторый прогресс. Но он совершается не по чистой случайности. Здесь правит закономерность. Если бы это было не так, то многочисленные противоположные цели, стремления и действия людей должны были бы взаимно погашать друг друга. Тогда мы имели бы не историю, а вечный застой. А коль скоро это не так, значит, должны существовать законы, которые способствуют историческому прогрессу. То характерное обстоятельство, что в обществе движение вызывают своими действиями сознательные существа, люди, «нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам»¹.

Определяется ли история законами духа?

Некоторые буржуазные ученые заявляют: мы признаем, что применительно к материальной технике можно говорить о неизбежных, неотвратимых общих законах. Они соглашались с тем, что технический мир одинаков для всех людей и для всех «имеет значение». Об этом свидетельствует то, что технические знания и технические объекты, где бы они ни были открыты или созданы, вслед за тем распространяются по всему свету и всюду находят применение, если только общество

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

достаточно развито для того, чтобы их воспринять. Глобальное воздействие технических открытий общеизвестно.

Наши противники признают также, что это глобальное воздействие (универсальность) затрагивает все предметные и духовные сферы, все технологические приемы, средства общения и информации и связанную со всем этим научную картину мира. Однако затем в аргументации буржуазных обществоведов следует большое «но». Дескать, это еще далеко не все. Остаются еще высшие духовные, культурные области (религия, искусство и т. д.), которые образуют «подлинно» человеческое в человеке. А в отношении этих областей вышеупомянутые законы не имеют силы. Более того, эта духовная жизнь человека, говорят наши противники, в конечном счете определяет развитие нашей культуры.

Итак, сначала признается тот факт, что в истории бесспорно имеются повторяемость, однородность, а вследствие этого закономерность. Оспаривать это было бы затруднительно ввиду того, что основополагающие социальные системы — первобытное общество, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и социализм, — где бы они ни возникали, повсюду обнаруживали фундаментальную общность своих характеристик. Сегодня или 150 лет назад в Японии, Англии или Америке, у белых или цветных народов — нигде не существовало и не существует рабства без рабов и рабовладельцев, капитализма — без наемных рабочих и капиталистов. Повсюду определенной основной форме экономической жизни соответствует основная форма духовной, политической, культурной жизни.

Например, повсюду, где господствует свободная конкуренция частных собственников, формируется буржуазно-демократическое политическое течение или даже буржуазно-демократический государственный

строй. Раз в экономике есть конкуренция, значит, она должна быть и в политике. Действительно ли претворится в жизнь соответствующее представление и в какой мере оно претворится, уже другое дело. Но само *буржуазное* представление о демократии не зависит от расы, нации, культуры. Далее. Повсюду, где властвуют громадные предприятия — монополии, подчиняющие себе производство и рынок, возникают крайне враждебные свободе, а при определенных условиях фашистские политические движения и государственные порядки. И это также определяется не национальными, расовыми или культурными факторами. Подобные идеи и противоположные им течения возникают независимо от расы, нации, климата и т. п., поскольку они соответствуют определенному соотношению интересов.

Как формируются эти соотношения интересов? Что является их общим, сообразно обстоятельствам повторяющимся в многообразии расовых, национальных, культурных, климатических, географических проявлений, однородным условием? А значит, что представляет собой тот главный фактор, который закономерно определяет общественную жизнь, в том числе и культурный прогресс? Существует только один такой фактор: одинаковый — в наших примерах капиталистический — способ производства, его развитие. Но об этом мы поговорим более обстоятельно несколько ниже.

Заблуждение всех тех, кто утверждает, будто история определяется нашей духовной жизнью, показывает и такое соображение. Люди действуют, стремясь к целям, которые прежде определяются их мышлением, чувствами, желаниями. Но желаемое исполняется довольно редко. В большинстве случаев поставленные цели разных людей сталкиваются между собой и противоречат друг другу. Случается и так, что они с самого

начала оказываются невыполнимыми, либо средства для их достижения выбираются недостаточные. Таким образом, на исторической арене столкновение бесчисленных отдельных стремлений и действий приводит к состоянию, когда действие имеет известную желаемую цель, «но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны»¹. Кое-кто по этому поводу может впасть в уныние и вздыхать: человек предполагает, а бог располагает! Проверим же, кто или что на деле «располагает».

Речь идет не только о «неудачах» при осуществлении желаемых целей, подобных той, что постигла монаха Бертольда Шварца. Он хотел алхимическим путем получить золото, но вместо него открыл порох. Бёттер преследовал ту же самую цель, а при этом ему удалось изготовить фарфор. Нет, не только такие «неудачи» имеются здесь в виду. В данном случае речь скорее идет о великих исторических битвах. Великие вожди французской революции (1789—1794) Робеспьер, Марат, Сен-Жюст и другие от чистого сердца стремились к свободе, равенству и братству для всех людей. Но своей деятельностью они в конечном счете лишь устранили препятствия на пути развития капитализма во Франции. О свободе, равенстве и братстве для всех людей при капитализме можно говорить разве что в формальном смысле. Например, в ФРГ и Шпрингер, и какой-нибудь Ганс Мюллер формально обладают одинаковым правом на свободу печати. Но и это важно: мы защищаем и эту формальную свободу от нападок справа. Фашизм показал, что и формальные права имеют известную ценность для рабочего движения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

Ф. Энгельс с полным правом писал: «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история. Вопрос сводится, стало быть, также к тому, чего хочет это множество отдельных лиц. Воля определяется страстью или размышлением. Но те рычаги, которыми, в свою очередь, непосредственно определяются страсть или размышление, бывают самого разнообразного характера. Отчасти это могут быть внешние предметы, отчасти — идеальные побуждения: честолюбие, «служение истине и праву», личная ненависть или даже чисто индивидуальные прихоти всякого рода. Но, с одной стороны, мы уже видели, что действующие в истории многочисленные отдельные стремления в большинстве случаев вызывают не те последствия, которые были желательны, а совсем другие, часто прямо противоположные тому, что имелось в виду, так что и эти побуждения, следовательно, имеют по отношению к конечному результату лишь подчиненное значение. А с другой стороны, возникает новый вопрос: какие движущие силы скрываются, в свою очередь, за этими побуждениями, каковы те исторические причины, которые в головах действующих людей принимают форму данных побуждений?»¹

Следовательно, совершенно правилен тот взгляд, что все, что приводит людей в движение, прежде должно пройти через их голову. Поэтому не существует исторических событий, которые не были бы связаны с определенными идеями. И все же великие исторические результаты человеческих действий редко соответствуют идеальным целям или мотивам их участников. Если тем

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306-307.*

не менее такое соответствие имеет место, то лишь потому, что идеи согласовывались с действительным историческим процессом.

Но это значит, что наряду с духовными стимулами в истории действуют и реализуются другие, более могучие силы, «согласуясь» с идеями, если те соответствуют действительному ходу истории, и противодействуя идеям, если они не соответствуют действительности. Эти движущие силы, стоящие позади идей, стало быть, имеют большую действенность, чем идеи. Следовательно, их и нужно изучать, чтобы понять историю. «Непоследовательность заключается не в том, что признается существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше, к их движущим причинам»¹. Итак, надо рассмотреть вопрос о том, что первично — бытие или сознание.

Что первично — бытие или сознание?

В первом разделе мы уже обсуждали этот вопрос, не обращаясь специально к истории человеческого общества. Теперь он вновь встает перед нами, так как в истории людей в отличие от истории природы сознание играет большую роль. Мы уже видели, что эта роль не может быть в конечном счете определяющей. Поставим поэтому еще один вопрос: откуда берутся мысли, под влиянием которых действуют люди? Какие обстоятельства обуславливают то, что силы, действующие за нашими духовными стимулами, принимают в одной голове одну, а в другой — другую форму? Философ-идеалист придерживается мнения, что духовные стимулы человеческих действий, идеи являются первичными и не требуют никакого дальнейшего объяснения, помимо их возникновения из других, предшествующих идей и мыслей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 307.

Философ-материалист не довольствуется этим и утверждает, что идеальное — это отражающееся в человеческой голове материальное. На основе такого отражения человек осуществляет затем духовную работу, например ставит себе определенные цели, действует ради них и т. д.

Рассмотрим это положение подробнее. Во времена средневековья господствующей идеей в Западной Европе была идея католической религии. Мир трактовался как творение сверхъестественного бога, который в Библии открыл себя человеку. Если человек хочет знать что-нибудь о мире, ему надо только почитать Библию. Исследование природы, творения бога, согласно этому взгляду, дает несравненно меньше знаний, чем изучение «слова божьего». И если в Библии сказано, что Иисус Навин остановил Солнце, то ведь именно благодаря «слову божьему» доказано, что Солнце вращается вокруг Земли. Иного, значит, не может быть. Следовательно, заблуждаются те, кто, изучая природу, пришел к противоположным взглядам. Ибо природа, творение бога не может противоречить «слову божьему». Такие аргументы еще в XVI веке выдвигал против Коперника Лютер.

В XVII веке разные мыслители в экономически наиболее развитых странах начали отстаивать мнение, что науку нужно освободить от религиозных оков. Значение имеет только то, что способно выстоять перед судом разума, что естественным образом доказывается экспериментами, наблюдением природы, опытом.

Почему новые воззрения возникли именно в это время и именно в этих странах? Разве великие мыслители эпохи средневековья были слабее разумом? Конечно, нет. Эти изменения невозможно объяснить, если брать в расчет только развитие мыслей, идей. Дело в том, что в ту пору совершался социальный

переворот. Возникла капиталистическая экономическая система. Капитализм — это стремление к предельно высокой прибыли, использование всех «земных» производственных возможностей для этой цели, то есть капитализм предполагает основательное изучение «посюстороннего» мира: законов природы — чтобы строить машины, изобретать новые технологические приемы; морских и сухопутных путей, земли с ее рудными богатствами и другими сокровищами — чтобы как можно быстрее развивать производство, торговлю и т. д. Для этого социальные силы, формировавшие капиталистическое развитие, нуждались в новых взглядах, которые были бы направлены на «посюстороннее», на изучение природы и порывали со средневековыми религиозными доктринами.

Духовные поборники (идеологи) поднимавшейся буржуазии огнем и мечом преследовались церковью, которая стояла на страже старого социального строя — феодализма. Немало буржуазных идеологов было сожжено на костре. Труды Коперника до середины прошлого века фигурировали в списке литературы, запрещенной католической церковью.

Неудивительно, что буржуазные идеологи выступали против идеологов феодализма. Духовные примеры для подражания они искали у великих мыслителей и поэтов древности. Представления античного мира, вытесненные христианско-феодальными идеологами эпохи средневековья, казались им несравненно более привлекательными. Они хотели пробудить к новой жизни эту более высокую, как им казалось, культуру прошлого. Они полагали, что достигнут этого благодаря возрождению дохристианской эпохи. Если бы дух действительно был определяющей силой исторического развития, то Возрождение (Ренессанс) античного (древнегреческого) мышления должно было бы вызвать возрождение античной, древнегреческой действи-

тельности. Однако этого не случилось: родился капитализм, ибо не духовные, а совсем иные процессы определяют историю.

На заре человеческого общества, когда человеческий труд был еще настолько непроизводительным, что человеку едва хватало самому плодов своих усилий, не имело никакого смысла превращать людей в рабов. В лучшем случае они произвели бы то, в чем нуждались сами для своей жизни; их труд ни для кого не мог служить источником «обогащения». В те времена там, где источники пропитания были скудными, пленных либо просто принимали в племя, либо съедали.

Когда производительность человеческого труда повысилась и работа пленных стала выгодной, естественнее стала идея, что есть людей бесчеловечно. С дальнейшим развитием труда развилась и идея человечности, вплоть до наших сегодняшних представлений о человеческих отношениях и гуманном порядке, свободном от таких явлений, как истребление, эксплуатация и угнетение человека человеком. Идея человечности (гуманизм) развивалась, таким образом, вместе с развитием общественной жизни людей.

Идеалистическое понимание истории опровергается также следующими фактами. Некоторые идеи нашли широкое распространение, десятками или даже сотнями миллионов людей признавались «разумными», «справедливыми». Тем не менее они не смогли осуществиться, не смогли вызвать далеко идущих практических последствий. Возьмем великолепную христианскую идею братской любви между людьми. Американское правительство так охотно хвалится своими христианскими принципами. Однако война во Вьетнаме доказала, сколь ничтожно влияние этих возвышенных принципов, когда в игру вступает грубая заинтересованность в наживе. Два тысячелетия христианской про-

поведи человеколюбия на хваленном христианском Западе не сумели предотвратить угнетения и эксплуатации, кричащих противоречий нищеты и роскоши и даже взаимного (христиански освященного!) массового убийства людей в кровавых войнах.

История показывает нам громадное число событий и стремлений, когда люди ставили перед собой цели и добивались их с величайшей энергией, но так и не могли их, однако, достигнуть. Когда появились машины и капиталисты стали применять их на своих предприятиях, рабочие увидели лишь вред, который принесло им использование машинного труда: удлинение рабочего дня вплоть до границ физического истощения, введение ужасных форм детского труда, потерю рабочих мест, калечащий душу, отупляющий труд. И рабочие пришли к идее, что во всем виноваты машины, что их-то и нужно уничтожить. Первые битвы рабочих приняли форму борьбы с машинами. Рабочие «разбивают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить потерянное положение средневекового рабочего»¹. Но их идея была невыполнимой, так как машина представляет собой результат закономерного прогрессивного развития общества. Законы этого развития сильнее, чем идеи, которые противоречат ему.

Ясно, что только идей, какими бы «соблазнительными» они ни были, недостаточно для такого преобразования общества, чтобы оно пришло в соответствие с теми мнимыми или действительными целями, которые преследуют или только прикрывают с помощью этих идей. Ход истории нельзя объяснить, если ключ к ней искать в идеях. С этой идеалистической точки зрения невозможно объяснить даже то, почему в определенные эпохи господствуют совершенно определенные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 432.

идеи, а в другие эпохи — другие идеи, почему некоторые из них можно претворить в жизнь, а другие нельзя. Идеалистическое воззрение на общество и историю не разделяет материалистического положения о том, что не действительность известной эпохи надо понимать из характерных для нее мыслей, а эти мысли — из действительности эпохи. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹, — писал К. Маркс.

Само собой разумеется, что не все идеи возникают из действительности своего времени; они могут быть переданы от одного поколения к следующему. Поэтому в одно и то же время существуют и современные, и устаревшие идеи. Например, сегодня все еще имеют хождение идеи расовой ненависти, идеи национального превосходства. Но и эти идеи обязаны своим происхождением, а нередко своим затянувшимся существованием или оживлением насущным *интересам* властвующих социальных групп.

Существуют и совершенно чуждые действительности (фантастические) идеи. Может показаться, что уж они-то не порождены действительностью. Но если доскональнее исследовать идею домовых, суеверия, фантастические сказочные образы, то оказывается, что в них отражаются тайные желания, страхи, заботы людей, определенные общественные условия и исторические эпохи.

Что можно сказать о великих людях и их идеях?

Концепция, согласно которой духовные идеальные мотивы представляют собой конечную причину исторического развития, часто принимает форму утвер

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

ждения, что историю творит мышление и деятельность мнимо или действительно великих людей. Но когда индивид становится великой личностью? Только тогда, когда он лучше, чем другие люди, умеет распознать или по меньшей мере угадать исторически прогрессивные силы, сформулировать возникающие в связи с этим задачи, привлечь массы к их решению. Историческое величие, таким образом, зависит от постижения тех движущих сил истории, которые оказывают более мощное воздействие, чем личность. К. Маркс стал великой личностью, потому что он встал на позиции рабочих, ясно понял и сформулировал их интересы, указав тем самым цель их борьбы.

Как бы важно ни было изучение мышления, характера великих личностей, как ни поучительно исследовать их воспоминания, переписку и т. д., тем не менее всего этого недостаточно для действительного познания хода истории. Поэтому Ф. Энгельс в многократно цитированной нами работе о Л. Фейербахе отмечает: «Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей,— осознано ли это или, как бывает очень часто, не осознано,— и образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам. Исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих лю-

дей,— это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах»¹.

Чем определяется общественное развитие?

Мы убедились, что духовные стимулы наших действий не являются конечными движущими силами истории. Напротив, за этими духовными побуждениями действуют еще более могучие силы. Духовные мотивы могут быть правильно поняты только тогда, когда мы постигаем их происхождение из указанных более могучих сил и условий общественного развития. Эти более могучие движущие силы существуют вне нашего мышления, чувств, стремлений, короче говоря, вне нашего сознания и независимо от него. Такие явления природы и общества, которые существуют вне и независимо от нашего сознания, марксистская философия называет объективно-реальными или *материальными* явлениями. А учение, которое в материальных причинах видит конечные движущие силы истории,— это материалистическое понимание истории, называемое также *историческим материализмом*. Его создали Карл Маркс и Фридрих Энгельс, и некоторые вопросы материалистического понимания истории мы, собственно, уже рассмотрели.

Ядром материалистического понимания истории является прояснение вопроса о том, какие из четырех групп материальных условий общественной жизни определяют историческое развитие.

1. *Географические* (имеется в виду расположение данной страны в определенном регионе земного шара) и *климатические* (имеется в виду, тепло там или холодно, дождливая там погода или засушливая) условия.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 307—308.

2. *Плотность населения* (демографические условия).
3. *Биологические факторы* (имеется в виду принадлежность данного народа к белой, черной или желтой расе).
4. Изготовление {*производство*) средств к жизни в самом широком смысле слова.

На указанный вопрос можно ответить, лишь обратившись к научному изучению самой истории.

*Какую роль играют географические и
климатические условия?*

Совершенно ясно, что земная жизнь немыслима без соответствующих географических и климатических условий. На Луне, какою она существует без человеческого воздействия, земная жизнь невозможна. Но люди достигли Луны. Для этого они должны были создать там определенные климатические и, следовательно, географические условия («транспортировка» кислорода, водорода и т. д.), хотя бы только в специальных скафандрах, где выдерживался определенный «климат». Так люди смогли жить и работать на Луне.

Что же следует из этого примера? После того как на Земле возникла жизнь и в результате эволюционного процесса появились люди, после того как общественное развитие достигло определенного уровня, географические и климатические условия жизни в столь малой степени определяют историческое развитие, что сами люди способны оказывать на них влияние, а отчасти даже создавать их искусственно.

Правда, в прежние времена тормозящее или стимулирующее влияние климата и географического положения на образ жизни людей и их развитие было большим. Развитие Европы, несомненно, подстегнуло то, что люди здесь вынуждены были больше работать,

чтобы добыть себе пропитание, чем в других географических областях, что они должны были заботиться об одежде, что в нашем умеренном климате труд менее утомителен, нежели в жарких странах, и что вместе с тем жестокую борьбу за существование люди должны были вести все-таки не в условиях вечной мерзлоты, что Европа сравнительно богата важнейшими полезными ископаемыми (уголь, железная руда) и имеет извилистое побережье со многими естественными гаванями, небольшими морями (Балтийское море, Северное море, Бискайский залив, Средиземное море, Черное море), что способствовало развитию мореплавания.

Тем не менее трезвый анализ показывает, что все это (в нашем случае — стимулирующее воздействие географических и климатических условий) не могло быть в конечном счете определяющей силой общественного развития. Этого не было и в прежние эпохи, когда люди больше, чем сегодня, зависели от естественных условий жизни. Италия (Древний Рим) некогда была первой мировой державой, а сегодня ею не является, хотя находится, по сути, в тех же, что и прежде, климатических и географических условиях. Италия не имеет угля и вообще бедна полезными ископаемыми. И тем не менее здесь развился капитализм.

В масштабе всемирной истории общество изменяется намного быстрее, чем климат и географические условия. Величайшее ускорение исторического процесса произошло в последние столетия, хотя в этот период не было никаких заметных климатических или географических изменений. А современное производство оказывает все более заметное воздействие на климат и географический облик Земли.

Из всего сказанного следует, что климат и географические условия, которые изменяются значительно медленнее, чем общество, не могут быть при всем

своим неоспоримым тормозящим или стимулирующим влиянием на общественное развитие *определяющей*, движущей силой истории.

Определяется ли история ростом населения?

То же самое рассуждение в основе своей справедливо и в вопросе о том, какое воздействие на историю оказывает плотность и подвижность населения. Общеизвестно, что существует определенная взаимосвязь между бедностью и численностью населения. Численность бедных слоев и населения бедных народов растет быстрее, чем численность более обеспеченных. (Это обуславливается многими причинами, на которых здесь нет возможности остановиться. Одна из них, чаще всего выпадающая из поля зрения буржуазных исследователей,— это плохое попечение о престарелых или даже его отсутствие, сочетающееся с высокой детской смертностью. Именно в бедных слоях населения в семьях много детей — тогда родители имеют более реальную возможность в старости получить от них помощь.) Когда благосостояние населения достигает определенного уровня, его рост замедляется, несмотря на то что теперь есть больше средств к жизни в широком смысле этого слова и можно было бы прокормить больше едоков. Это указывает на зависимость роста населения от общественных условий, а не наоборот.

Неоспорим и тот факт, что среди стран с *одинаковым* общественным строем одни имеют высокую, а другие — низкую плотность населения. В капиталистической Швеции при высоком жизненном уровне на 1 квадратный километр приходится 17 человек, в капиталистической Голландии, тоже при высоком жизненном уровне, на 1 квадратном километре в среднем живут 356 человек; а вот в капиталистической Греции при низком жизненном уровне — 64 человека. В социалистической ГДР при высоком жизненном уровне на

1 квадратный километр приходится 158 человек, а в социалистической Монголии, при несколько более низком жизненном уровне — примерно 1 человек!

Следовательно, невозможно установить закономерной взаимосвязи такого рода, что большая или меньшая плотность населения выступает условием более высокого или более низкого жизненного уровня в странах с капиталистическим или социалистическим общественным строем. Законы роста населения несущественны для исторического развития. Поэтому лозунг о «жизненном пространстве» народа вводит в заблуждение. Многие народы с низкой плотностью населения нуждаются в помощи для своего развития, а некоторые страны с высокой плотностью населения, напротив, в помощи не нуждаются, потому что они, в отличие от первых, располагают высокоразвитой промышленностью.

Какую роль играют биологические, расовые условия?

Разве древние римляне, завоеватели мира, принадлежали не к той же расе, что и сегодняшние итальянцы, которые уже не властвуют над миром? Северные викинги были морскими разбойниками, наводившими ужас на соседей, а их нынешние шведские и норвежские потомки — мирный народ. Наемные рабочие и предприниматели, интеллигенты и художники, угнетающие или угнетенные классы и нации, угнетатели и борцы за свободу были и есть во всех расах. Современный образ жизни не знает никаких расовых, биологических границ. Совершенно очевидно, что общественное развитие определяется не биологическими законами, которые, в противоположность обществу, «со времен Адама и Евы» существенно не изменились. Оно следует собственным общественным законам и движущим силам.

Какую роль играет способ производства?

Человек отличается от животного способностью к труду. Благодаря труду, употреблению и — прежде всего — изготовлению инструментов человек создает себе как бы новые, искусственные органы тела, «искусственную» среду, а именно общество, которое как бы перекрывает собственными законами естественную среду — природную основу человеческой жизни.

Из названных выше материальных условий общественной жизни осталось только материальное производство. В самом деле, основное условие человеческой жизни и открытый К. Марксом закон исторического развития человечества состоит в том, что «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены,— а не наоборот, как это делалось до сих пор»¹.

Когда мы исследуем историю, мы видим, что единственным материальным условием общественной жизни, которое изменяется в той же мере, как и само общество, является материальное производство, то есть способ производства необходимых для жизни благ. Мы видим также, что в истории общества имеются четко отличающиеся друг от друга периоды, для каждого из которых характерен определенный способ производства. И это верно *независимо* от соответствующих климатиче-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 350—351.

ских, географических, биологических, расовых и демографических условий. Таким образом, способ производства материальной жизни общества есть в конечном счете решающая, определяющая основа исторического развития.

Что такое способ производства?

Чтобы добыть то, что нужно для жизни, люди применяют инструменты, машины, короче говоря, средства труда. Таким образом, производство, общей основой которого, конечно, является природа, предполагает наличие людей и средств труда. Люди должны уметь обращаться со средствами труда, обладать определенным трудовым опытом. Людей с их производственным опытом и средствами труда мы называем *производительными силами*.

Естественно, средства труда были когда-то очень грубыми и простыми, но постепенно они совершенствовались. С их развитием изменялся и труд, обогащался трудовой опыт человека, росли знания людей об окружающем мире. Однако изменялись не только средства труда, но и производящие, использующие их люди, то есть производительные силы в целом. Вместе с тем производительные силы сами по себе еще не образуют способа производства в целом. К. Маркс пишет: «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 441.

Таким образом, в соответствии с определенным уровнем развития производительных сил люди устанавливают в процессе производства определенные отношения между собой. Эти отношения могут быть отношениями сотрудничества, обмена товарами, торговли, но также — в условиях частной собственности на важные средства производства, на землю, на природные ископаемые — отношениями эксплуатации неимущих.

Общественные отношения, в которые вступают люди в процессе производства, называются *производственными отношениями*. Наиболее существенными среди них являются отношения Собственности. Тот, кто имеет в собственности источники материальных благ, землю, фабрики, тот и решает, где и как неимущие будут добывать себе средства к жизни. Например, отношения рабов и рабовладельцев в древности характеризовались тем, что один класс людей — рабы считались собственностью другого класса, рабовладельцев, которые могли продавать и покупать рабов. Средневековые феодалы были собственниками земли и в силу этого господами над всеми живущими на ней крестьянами, которые были их крепостными. В основе отношений современных наемных рабочих и капиталистов лежит тот факт, что капиталисты имеют в своем распоряжении решающие средства производства, а рабочие (или служащие), чтобы приобрести средства для покупки необходимых для жизни товаров, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталистам за заработную плату.

Все это — люди с их трудовым опытом и средства труда, то есть производительные силы, а затем отношения, в которые люди вступают между собой в процессе производства, то есть производственные отношения,— образуют вместе *способ производства* материальной жизни.

Как и почему изменяется способ производства?

В процессе труда люди приобретают опыт. Они накапливают знания, изменяют свои орудия труда, улучшают их, чтобы облегчить работу, чтобы производить больше продуктов. Следовательно, изучение истории показывает, что изменение производительных сил представляет собой «начало» развития. Производственные отношения рано или поздно должны приспособляться к происходящим изменениям в сфере производительных сил. С современными средствами труда и работать надо совсем по-другому, чем с простой мотыгой. Современные научно-технические средства (например, атомная энергия, достижения современной химии) стали столь могущественными, что их уже нельзя оставлять в частной собственности, то есть у капиталистов. Слишком велика была бы опасность для человечества. Необходимо поставить эти новые средства и возможности под совокупный общественный контроль, обобществить их и установить социалистические производственные отношения.

Здесь нам надо задержаться и немножко поразмыслить. Погоня предпринимателей за максимальными прибылями снова и снова приводит к опрометчивому, слишком поспешному, не гарантированному от вредных последствий использованию современных могущественных технических средств. В качестве примера можно было бы назвать аварии на атомных электростанциях и другие тревожные события. Они вызывают протест населения. Однако этот протест направляется в ложное русло, если дело представляют таким образом, будто опасность состоит в современной технике как таковой, а не в злоупотреблении ею в условиях капитализма. Обычный нож может быть использован как для того, чтобы нарезать хлеб, так и для убийства,

что зависит уже не от ножа, а от того, кто его пускает в ход. Точно так же средства труда в принципе полезны или опасны в зависимости от общественных сил, которые их используют. Поэтому неправильно, когда из протеста против капиталистического злоупотребления (всякой, не только современной) наукой и техникой предают проклятию науку и технику как таковые. Это уводит от подлинных проблем.

Давайте рассмотрим теперь вопрос о том, каким образом производственные отношения приспосабливаются к новым производительным силам.

В средние века решающим средством производства, землей, владел класс феодалов. Крестьяне жили на земле, которая им не принадлежала. Они сами были собственностью, крепостными дворян. Им было «позволено» возделывать землю, на которой они жили, но за это они должны были обрабатывать также господские угодья и, кроме того, платить оброк господам из продуктов своего труда. Когда в некоторых странах получил развитие капитализм, связанный с применением новых машин, ему, конечно, понадобились рабочие руки. Но крестьяне были прикреплены к земле. Новые производительные силы молодого капитализма столкнулись со старыми производственными и имущественными отношениями феодализма. Отсюда возникло противоречие, охватившее все общество, противоречие, вылившееся в борьбу класса буржуазии против класса феодалов-землевладельцев. В конечном счете эта классовая борьба привела к великим *революциям* в Англии, Франции, Германии и других странах.

Итак, способ производства развивается в силу того, что люди в ходе непрерывного производственного процесса улучшают средства труда, приобретают новые знания, короче говоря, в силу того, что формируются новые производительные силы, которые требуют новых

производственных отношений. Однако эти новые производственные отношения образуются не сами собой, а благодаря социальной борьбе людей. В условиях раскола общества на классы это значит, что они образуются в борьбе классов, которая приводит к общественным переворотам, к революциям. Таково существенное содержание истории.

**Каким образом способ производства
оказывает воздействие
на характер общественного строя
и общественное сознание?**

Материалистическое понимание истории различает в обществе материальную основу, или *базис* (совокупность производственных отношений, соответствующая определенному уровню развития производительных сил), и возвышающуюся над ним *надстройку* политических учреждений и общественных идей (философия, правовые представления, искусство, мораль, религия и т. д.). Все это мы называем также политико-идеологической надстройкой. В рамках общества в целом изменения в конечном счете вызываются движением производительных сил. Изменение производительных сил в первую очередь вызывает преобразование производственных отношений, следствием которого становится изменение всей общественной жизни. Когда сегодня на Западе буржуазно-демократическую форму государства выдают за высочайшую ценность, часто «забывают» при этом, что данная государственная форма впервые появилась на свет в Англии в XVII и во Франции в XVIII веке в результате тяжелой духовной, а в конечном счете и политической борьбы, в ходе которой было пролито немало крови. Идеи буржуазной демократии надо было осуществлять вопреки классовым силам феодальной реакции.

В действительности эта демократия с ее буржуазной ограниченностью вовсе не представляет собой высшей, безусловной ценности. Она обязана своим возникновением установлению капитализма, его борьбе за освобождение от феодальных уз. В любом случае это освобождение означало, во-первых, что непосредственный производитель (крестьянин), который раньше, будучи крепостным, был привязан к земле, теперь стал волен уходить в город; во-вторых, что там он, как «свободный» человек, а именно «свободный» от собственности на средства производства мог подвергаться эксплуатации со стороны капиталиста. Эта новая свобода представляла собой полную противоположность укладу и представлениям средневековья.

Буржуазная демократия зиждется на том, что капиталисты вступают в отношения свободной конкуренции между собой. Каждый из них сам себе хозяин и делает свою ставку «в свободной игре сил». Данные производственные отношения отражаются в политических идеях — идеях борьбы за политическую свободу личности, за известные основные права, в том числе за право участвовать в определении судеб государства путем голосования на выборах, и т. д., короче говоря, в идее буржуазной демократии, которая имела совершенно искренних сторонников и защитников.

Несмотря на свою ограниченность, буржуазная демократия была большим шагом вперед в истории человечества, и надо защищать его результаты от врагов демократии. Достаточно вспомнить о тех ужасных отношениях, которые царили в Германии с 1933 года, когда крупный капитал из страха перед рабочим движением позволил Гитлеру и нацистской партии уничтожить демократию.

В зависимости от развития способа производства, то есть экономических отношений, изменяются не только политические и правовые порядки и представления,

но и такие области общественного сознания, идеологии, которые по видимости имеют очень косвенное отношение к производственным отношениям,— искусство, религиозные представления, а также моральные нормы.

Впрочем, не следует упрощенно представлять себе материалистическое понимание истории. Дело обстоит не так, будто эти идеологические формы непосредственно проистекают из экономических процессов. Во всех идеологических областях — как в экономическом, так и в совокупном социальном развитии — большую роль, естественно, играет все то, что было создано в предшествующие эпохи. В наших сегодняшних взглядах все еще содержатся идеи, возникшие тысячелетия назад. Тот факт, что определенные идеи возникли в определенное время и служили определенному классу, еще не означает, что они носили лишь призрачный характер и позже должны были просто-напросто исчезнуть. Так, в наших сегодняшних идеях содержатся остатки старых идей, и правильных и ложных. Многие духовные явления порождались не непосредственно экономическими, а другими общественными отношениями и институтами.

Ф. Энгельс поясняет в этой связи: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты

надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени»¹.

Материалистическое понимание истории заключается не в том, чтобы к каждой идее просто подыскивать экономическое основание. Смешно было бы, например, усматривать непосредственное основание религиозных представлений, в какой-то части своей имеющих тысячелетний возраст, в сегодняшнем способе производства. И даже тогда, когда религиозные представления еще только возникали, их основание составляли не только экономические отношения.

В работе о Л. Фейербахе Ф. Энгельс называет в числе причин возникновения религии наряду с олицетворением сил природы то обстоятельство, что люди не имели «никакого понятия о строении своего тела», не умели «объяснить сновидений» и пришли к тому представлению, «что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394-395.

² Там же, т. 21, с. 282.

Все это, однако, никак не назовешь прямо экономическими корнями религии.

Или возьмем идею художественного произведения, например «Фауста» Гёте. Фауст — человек, которого не удовлетворяет исполнение любого его желания, который ощущает счастье лишь тогда, когда живет предвосхищением последствий своей деятельности. Этот образ, естественно, в известной степени является художественным воплощением идеи безудержного стремления ко все большему распространению, характерной для поднимающегося капитализма. Но было бы полной нелепостью и прямо-таки карикатурой на материалистическое понимание истории пытаться свести «Фауст» Гёте только к одной этой идее, теряя из виду все отразившееся в нем богатство тогдашней социальной жизни, содержащуюся в поэме тысячелетнюю мудрость, а также предугаданные Гёте будущие проблемы и условия человеческой жизни.

Дело, скорее, обстоит так. Все обстоятельства, определяющие общественную жизнь, следует *в конечном счете* свести к развитию материального способа производства. *Ничто* противоречащее этому развитию не способно утвердиться *надолго*. Поэтому главной движущей силой истории является способ производства материальных благ, охватывающий как производительные силы, так и производственные отношения. На материальном базисе общества, который они образуют, зиждется политико-идеологическая надстройка. Способ производства определяет весь образ жизни общества, которому соответствует образ мысли людей данной эпохи, их философия, право, мораль, искусство, религия. Развитие способа производства определяет развитие общества в целом. Таково основание, на котором разворачивается историческая закономерность.

В заключение хотелось бы процитировать знаменитые строки, написанные К. Марксом, в которых он дал сжатое резюме нового понимания истории: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только

юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные

производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—8.*

Заключительные замечания

О терминологии марксистской философии

В заключение уместно сказать несколько слов о терминологии марксистской философии. Целый ряд буржуазных критиков марксизма крохоборски копается именно в его терминологии.

Наука, между прочим, состоит в том, что из всей совокупности наблюдаемых фактов, явлений, процессов вылущивается, выбирается (абстрагируется) только то, что является для всех них общим. Все явно второстепенные черты отбрасываются. Результаты, полученные путем обобщения (абстракции), обозначаются затем определенными терминами. Так, все небесные тела, находящиеся в раскаленном состоянии, мы называем солнцами. Те же тела, которые обращаются вокруг солнц, мы называем планетами. А тела, вращающиеся вокруг планет, называются спутниками. Таким образом, наша Земля — это планета солнечной системы, а Луна — спутник Земли. До сих пор все как будто просто, ясно, согласуется с нашим повседневным опытом и не создает никаких понятийных трудностей.

Философия же исследует не один какой-то участок мира или определенную группу свойств тех или иных реальных предметов. Скажем, философия не изучает законы жизни живых существ. Этим занимается биология. Но марксистская философия связана со всеми так называемыми частными науками: ведь каждая из

них исследует предметы и процессы реального мира. Поскольку марксистская философия формулирует прежде всего основополагающие положения об этом реальном мире и его развитии, не может быть непреодолимого разрыва между частными науками и марксистской философией. Вот тут-то и начинаются трудности. Как частная наука путем абстрагирования вычленяет в изучаемых ею предметах признаки, присущие им всем, отделяет их от второстепенных и обобщает, точно так же марксистская философия в свою очередь должна в том, что сообщают частные науки, выявить с помощью абстракции то, что равным образом присуще всему материальному миру, всякому движению. Таким путем мы должны приходить ко все более общим, абстрактным основополагающим понятиям. Споря с идеалистами, то есть в несколько другой связи, В. И. Ленин пишет в своем фундаментальном труде «Материализм и эмпириокритицизм»: «Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие «осел» под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это — предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду *всегда* возможных изменений *номенклатуры*) не пошла до сих пор гносеология»¹.

Следует признать, что такие понятия очень абстрактны. В научной дискуссии, безусловно, необходимо пользоваться научными, то есть абстрактными, понятиями. Надо применять, например, понятие материи или объективной реальности. Оба эти понятия обозначают одно и то же и определяются следующим образом: бытие,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

существующее вне и независимо от сознания. Или когда идет разговор о диалектике, возникает вопрос, как нам научно именовать «стороны» противоречия. Ведь при этом приходится иметь в виду такие совершенно различные вещи, явления и т. д., как общественные классы, положительное или отрицательное электричество. Для их абстрактно-научного постижения может пригодиться понятие «элемент». Все дело в том, как определяется это понятие.

Возьмем еще третий пример. Чтобы показать, что в ходе духовного освоения действительности мы постигаем ее все более точно, правильно, глубоко, мы употребляем понятие отображения, отражения, не считая при этом, что наше сознание всего лишь зеркало. Буржуазные критики зачастую цепляются за такие понятия, умышленно приписывая им такое значение, которого они никогда не имели в марксизме. Или у них нет настоящих аргументов против марксизма?!

Марксистская философия отличается от всякой другой философии, между прочим, и тем, что она является философией масс. И это не случайно, ибо переход от классового к бесклассовому обществу требует не только массовой борьбы, но также исключительно высокой сознательности масс. Научная философия марксизма должна овладеть массами, но теми массами, которые образованы и оболванены классом капиталистов, их школой, их прессой, их телевидением. Когда дело идет о распространении нашей философии в массах, то не всегда возможно оперировать понятиями, которые уместны и нужны в научных кругах. Мы говорим доступным языком: вместо слова «материя» употребляем слово «природа» или, что еще проще, «мир», «бытие» и т. д.; вместо «элементы противоречия» — «стороны». Простые люди скорее возьмут их в толк, чем абстрактные научные понятия.

Мы считаем, что такой подход к делу не сопряжен с чрезмерными трудностями, если мы идем на него сознательно. Великим достижением является уже то, что впервые в истории человеческого мышления стало возможным (возможным благодаря марксизму!) развивать философию одновременно и научную, и доступную массам. Ну а вопли тех, кому хотелось бы в классовых интересах буржуазии превратить философию в отвлеченную идейную и языковую тарабарщину,— эти вопли нам не мешают.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение</i>	7
<i>Самый важный вопрос всякого мировоззрения</i>	12
<i>Является ли мир чьим-либо творением?</i>	14
<i>Несколько слов о религии</i>	15
<i>Каков самый важный вопрос всякого мировоззрения? ...</i>	22
<i>Существует ли внечеловеческий дух?</i>	27
<i>Можем ли мы познать мир?</i>	29
<i>Почему вопрос об отношении бытия и сознания является</i> <i>основным вопросом философии?</i>	34
<i>Каковы общие положения материалистической философии</i> <i>о материальном бытии?</i>	38
<i>Внимание: опасность!</i>	41
<i>Существуют ли основные законы развития? ...</i>	44
<i>Каковы же доказательства того, что все в мире развивается?</i>	45
<i>Как были открыты законы развития?</i>	48
<i>На какие вопросы должно отвечать общее учение о развитии?</i>	53
<i>О всесторонней взаимосвязи</i>	—
1. <i>Как совершается развитие?</i>	57
2. <i>Развитие как «снятие». Что это такое?</i>	66
3. <i>Что движет развитие вперед?</i>	69
<i>Развитие — это борьба противоположностей</i>	74
<i>Внутренние и внешние противоречия</i>	80
<i>Антагонистические и другие противоречия</i>	82
4. <i>Важнейшие диалектические категории</i>	85
<i>Сущность и явление</i>	87
<i>Содержание и форма</i>	89
<i>Причина и следствие</i>	91
<i>Необходимость и случайность</i>	93
<i>Необходимость и свобода</i>	96
<i>Возможность и действительность</i>	99
5. <i>О значении диалектики в практическом поведении</i>	101
<i>Итоги</i>	102

<i>Кто делает историю?</i>	105
<i>Почему мы изучаем этот вопрос?</i>	106
<i>Как доказать существование исторических законов и тенден-</i> <i>ций развития?</i>	108
<i>Определяется ли история законами духа?</i>	109
<i>Что первично — бытие или сознание?</i>	114
<i>Что можно сказать о великих людях и их идеях?</i>	119
<i>Чем определяется общественное развитие?</i>	121
<i>Какую роль играют географические и климатические условия?</i>	122
<i>Определяется ли история ростом населения?</i>	124
<i>Какую роль играют биологические, расовые условия?</i>	125
<i>Какую роль играет способ производства?</i>	126
<i>Что такое способ производства?</i>	127
<i>Как и почему изменяется способ производства?</i>	129
<i>Каким образом способ производства оказывает воздействие на</i> <i>характер общественного строя и общественное сознание?</i>	131
<i>Заключительные замечания</i>	139
<i>О терминологии марксистской философии</i>	—

Роберт Штайгервальд

ВВЕДЕНИЕ В МАРКСИСТСКУЮ ФИЛОСОФИЮ

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
 Редактор *М. М. Беляев*
 Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
 Художник *А. О. Семенов*
 Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
 Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 3255

Сдано в набор 16.03.82. Подписано в печать 17.06.82. Формат 70х108'/з2- Бумага офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,3. Условн. кр.-отт. 12,95. Учетно-изд. л. 6,2. Тираж 100 [тл.сс.](#) ЭКЗ. Заказ № 2161. Цена 25 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.